

The book cover features a dark, atmospheric illustration. A large, black wolf is depicted in the upper half, howling with its mouth open, set against a background of swirling, dark clouds and a fiery orange and red glow. In the foreground, a dark, textured pyramid or tomb structure is visible, with a smaller, dark figure lying at its base. The overall mood is somber and mysterious.

Анна Чеблакова

Смерть волкам

Книга 2

Анна Чеблакова
Смерть волкам. Книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27057148

ISBN 9785448585319

Аннотация

Одно полнолуние следует за другим, и стая Кривого Когтя растёт. Он готов начать войну с людьми. Войну, в которой может быть только один победитель... А тем временем Веглао и Октай не теряют надежды отомстить Кривому Когтю. И наконец у них появляется долгожданная возможность.

Содержание

Глава первая	6
1	6
2	19
3	33
4	43
5	56
6	73
7	82
8	91
Глава вторая	108
1	108
2	121
3	133
4	148
5	156
6	168
7	174
Конец ознакомительного фрагмента.	179

Смерть волкам

Книга 2

Анна Чеблакова

© Анна Чеблакова, 2017

ISBN 978-5-4485-8531-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая

Сокровище

1

Город Ретаке со всех сторон окружает пустыня. Здесь она не песочно-жёлтая, как возле Клыкастых гор, а красная, словно покрыта не песком, а раскрошенными кирпичами. Сейчас, в мае, вся Великая степь цветёт и шелестит травой, но здесь никакой травы больше нет – разве что верблюжьих колючки, которых верблюды не едят, ибо нет здесь, в окрестностях Ретаке, никаких верблюдов.

У этого города давняя история, и почти вся она связана с университетом, который моложе самого Ретаке только на сорок лет. В прежние времена сюда отправлялись ребята не только со всей Бернии, но даже из Антьены или Ярглонии, но – времена изменились, границы Антьены закрыты, а ярглонцы понастроили своих университетов, крупных, качественных. Да и в самой Бернии нашлись города, чьи вузы далеко превосходили старый ретакский. К тому времени биологический и химический институты были заброшены окончательно, а кафедра словесности давно уже дышала на ладан. Но математический, физический, географический

и исторический институты до сих пор ещё работали в полную силу, и год за годом новые специалисты разъезжались из них по всей стране, а кое-кто уезжал за рубеж, в Ярглонию или Тонское королевство, где жизнь была на порядок лучше.

Диплом в бернийских вузах защищали только в сентябре, спустя два месяца после окончания учёбы. Считалось, что выпускные экзамены отнимают очень много времени и сил у студентов, куда уж тут до дипломных работ. Но большинство ребят были очень недовольны этим: сдать бы всё сразу и отправляться в свободную жизнь, а так – целых два месяца ты ни студент, ни выпускник, ни на работу не устроиться, ни отдохнуть на каникулах как следует. А вот курсовых работ было в каждом году по две, по одной на семестр.

Эти курсовые были настоящим кошмаром для большинства студентов. Особенно трепетали те, кто выбирал себе в научные руководители профессора истории Генша. Впрочем, слово «выбор» тут не подходит – обычно к Геншу шли те, кто не успевал записаться к кому-нибудь другому. О жёстком и язвительном характере старого профессора ходили легенды, его боялись все – от робких первокурсников до разухабистых выпускников. Даже большинство преподавателей на дух не выносили Генша. Он всегда требовал со студентов работы объёмом как минимум страниц в тридцать, и придирался к уже написанной работе так, что у несчастных, проворонивших возможность писать работу у кого-то более сговорчивого, не было ни единого шанса откуда-нибудь сдуть.

Подготовка к сдаче курсовых у Генша всегда проходила в атмосфере постепенно нарастающей паники. Защиту же «профессор Смерть» никогда не назначал на какой-то определённый день. Он просто оповещал ребят о дате, с которой можно начинать защиту, а потом уже в начале каждой пары спрашивал, нет ли желающих.

Два дня назад студенты-историки пятого, последнего курса увидели на стенде возле расписания объявление, в котором Генш сухо сообщал о том, что работы можно уже защищать. Большинство, как водится, схватились за головы. Некоторые только пожали плечами – за пять лет учёбы и не такое повидали. И только единицы улыбнулись, предвкушая победу.

Через два дня, медленным жарким утром, в которое было лень даже подняться со стула, ребята с пятого курса пришли на одну из последних в этом семестре лекций профессора Генша. Двадцать выпускников, молодых, весёлых и шумных, набились в светлую, с большими раскрытыми окнами, аудиторию нового корпуса. Лектор запаздывал, и, как всегда в таких случаях, в аудитории не утихали разговоры и смех. На дворе начало мая, до сессии ещё целый месяц, а после неё наконец-то свобода – как тут не радоваться? Мало-помалу разговор перешёл на большую тему – курсовые. Марней Гилорк громогласно заявил, что ему вообще не стоит волноваться – профессор Эшми, у которой он писал курсовую, поставит ему зачёт просто потому что «эта старая сова нико-

гда не поймёт, что работа содрана». Гилорк вообще учился спустя рукава, но его многочисленные приятели и ещё более многочисленные поклонницы в один голос утверждали, что с такой красотой и такой наглостью (в их устах это звучало как «уверенность в себе») он всюду пробьётся и без пятёрок в дипломе. Сидевшая неподалёку от него отличница Киния, пухленькая шатенка с нежным цветом лица, презрительно вздёрнула носик и заявила, что уж она-то не собирается получать свою пятёрку за чужие труды. Подруга и подпевала Кинии Ольса, боязливая низкорослая девушка с жёсткими чёрными волосами, так и не избавившаяся к своим двадцати двум годам от малиновых прыщей на лице, промолчала, залившись краской – она не знала, с кем согласиться, с единственной подругой или с красавцем Марнеем, к которому, как и многие, была равнодушна. Селни, один из приятелей Гилорка, перегнувшись через парту, крикнул через всю аудиторию:

– Гилмей! Эй, Гилмей, а ты как думаешь – устроит сегодня Генш кому-нибудь сражение при Майморе или нет?

Гилмей, темноглазый, золотисто-смуглый и кудрявый, вальяжно улыбнулся и громко заявил:

– Ещё как устроит. Только в этот раз он будет сражаться не за королеву Авильнайю, а за мятежников, которых она перебила.

– Не понял? – переспросил парень, а Гилорк наострил уши.

Гилмей снова улыбнулся и медленно обернулся к парню, сидевшему позади него:

– Ты, Рэйварго, вроде как собирался защищаться сегодня?

Юноша, сидевший за задней партой в одиночестве, на секунду вскинул на него небольшие умные глаза, кивнул головой и вновь рассеянно уткнулся в книгу, которую он увлечённо читал.

– Во даёт! – присвистнул Селни. – Рэйварго, ты у нас, конечно, умный, но сегодня это просто самоубийство. Раз Генш опаздывает, значит, он будет зверствовать.

Опаздывал Генш только в одном случае – когда у него разыгрывалась боль в спине. В такие дни он был особенно придирчивым.

– Ага, может быть, – пробормотал Рэйварго, всё также глядя в книгу. Гилмей пожал плечами и отвернулся – он уже давно привык, что на людях Рэйварго часто делается мрачным и неразговорчивым. Это был высокий, крепко сколоченный юноша, из-за своих чрезвычайно развитых мышц казавшийся грузным и неповоротливым, хотя на самом деле таким не был. Он был некрасив, ему не была присуща даже мальчишеская миловидность. Лицо у него было грубым, скуластым, с раздвоенным подбородком и крутым лбом, большим ртом и кривоватым носом, глаза – хоть и умными, но маленькими. Вот брови были красивы: ровные широкие полукружья. Только их почти не было видно из-за густых чёрных волос, падавших на лоб.

Разговоры после этого продолжались недолго – минутная стрелка на старых настенных часах не сделала и двух кругов, как вдруг дверь резко, с треском, распахнулась и в аудиторию размашистым шагом вошёл профессор Генш. Все разговоры и смешки сразу стихли, как будто их отрезало ножницами. От сухощавой низкорослой фигуры старого профессора как будто волнами расходилось негодование, и когда он бросил свой портфель на стол, тяжело сел на свой стул и оглядел всех студентов своими мутно-кариими глазами, тишина стала совершенно мёртвой. По взгляду профессора, по тому, как он медленно, с отвращением, шевелил тонкими губами, будто пережёвывая что-то, было отлично видно, как ему опротивела и эта аудитория, и трепещущие перед ним юнцы, и их работы, в которых из года в год повторялись одни и те же темы, источники и цитаты. Не поздоровавшись со студентами, он дрожащей рукой взял журнал посещения и открыл его на нужной странице. Затем, проговаривая каждую фамилию с таким видом, словно она обжигала его сухие губы, он начал перекличку. Убедившись, что отсутствуют всего двое, он с усмешкой проговорил:

– Дагел и Лиам защищают курсовую у меня... Что ж, их отсутствие можно объяснить нежеланием провалиться... Из вас, присутствующих, кто-нибудь собирается выступать сегодня?

Ответом было молчание, полное такой тревоги, будто он спросил, нет ли желающих сунуть руку в ведро со змеями.

Гилмей быстро обернулся к Рэйварго – тот всё ещё смотрел в свою книгу, явно не услышав вопроса Генша. Юноша легонько толкнул друга в плечо, и когда тот поднял глаза, выразительно кивнул в сторону лектора.

– Так. Ни одного, – по голосу профессора трудно было понять, обрадован он этим или рассержен. – Ну тогда...

– Профессор! – раздался голос с задней парты. Все, как один, обернулись туда, хотя и так прекрасно знали, кто это говорит. Рэйварго, быстро закрыв книгу и отложив её в сторону, вытянул вверх левую руку и замер, глядя на профессора.

– Урмэди? Вы готовы защищаться? – проскрипел Генш.

– Да, профессор.

– Тогда выходите, или вам особое приглашение нужно?

Рэйварго поднялся со своего места лёгким, быстрым движением, что казалось немного странным при виде его большого тела, и, выйдя к кафедре, обернулся к одноклассникам. Не глядя в текст и даже не разворачивая его, молодой человек высоко поднял голову и громким, чётким голосом произнёс:

– «Демократические преобразования в эпоху правления короля Вельтирра IV Маленького».

– Стоп, – коротко сказал Генш, не глядя на Рэйварго. – Я уже говорил, что мне некогда читать вашу писанину, так что свои работы вы должны читать вслух, а не рассказывать. Читайте, Урмэди. И можете не так громко, в Антьене вас всё

равно не услышат.

По аудитории пробежал тихий неприятный смешок. Высокий лоб Рэйварго прорезали гневные морщины, но никто этого не заметил из-за густых волос, падавших ему на лицо. Мгновенно справившись с собой, докладчик открыл папку и начал читать введение. Текст Рэйварго помнил настолько хорошо, что лишь изредка опускал глаза на работу:

– Король Вельтирр Четвёртый, правивший в 1744 – 1752 годах, был двадцать первым королём из династии Тильпадов. Своё прозвище Маленький он получил по двум причинам: во-первых, за свой небольшой рост (всего 154 сантиметра), во-вторых, потому что он был самым младшим из шестерых сыновей своего отца, Рильдага Пятого. Его правление тоже было совсем небольшим по своим хронологическим рамкам – всего восемь лет. Однако мы имеем полное право говорить об *эпохе* Вельтирра Маленького, так как эти восемь лет вместили в себя столько важных для истории Бернии событий, сколько не вмещали... например, даже правление Пиниола Северного, который был на престоле около...

Взрывы смеха, доносившиеся из правой части аудитории, становились всё громче, и сейчас компания Гилорка снова «легла» от какой-то его шутки. Пока они смеялись, профессор Генш выжидательно и недружелюбно глядел на Рэйварго, а тот молчал, постукивая себя по подбородку свёрнутым листом бумаги и не сводя с однокурсников взгляда своих вы-

разительных чёрных глаз.

– Он был на престоле около полувека, – раздражённо и громко сказал наконец Рэйварго, – и если вы не хотите, чтобы нас настолько же задержали на паре, советую заткнуться.

Марней кинул на него злобный взгляд и замолк – с Рэйварго предпочитали не ссориться, памятуя о его остром языке и крепких кулаках.

Рэйварго продолжил рассказ:

– Первые пять лет правления этого короля отмечены целым рядом либеральных реформ, среди которых особенно выделяются школьная реформа, преобразования в области торговли, а также дарование привилегий особо почётным университетам, в том числе ретакскому. Наконец, в 1750-м году, на шестом году своего царствования, Вельтирр составил проект медицинской реформы, которую позже проведёт его сын Рильдаг Шестой, за что и получит своё прозвище Король-Аптекарь. Казалось бы, Вельтирр должен был стать одним из самых любимых и популярных монархов в истории Бернии, но очень многие его недолюбливали, а некоторые и проклинали: он преобразовал систему образования во время школьной реформы, и приглашал профессиональных преподавателей из многих зарубежных стран, больше всего из Антьены. Учитывая, что это происходило всего лишь через несколько лет после кровопролитной и разрушительной 4-й антьено-бернийской войны, отношение боль-

шинства бернийцев к антъенцам было на редкость враждебным...

– И сейчас таким остаётся, – пробормотал один из друзей Марнея вполголоса. Ни для кого не было секретом, что Рэйварго наполовину антъенец, а значит – враг.

– ... Но антъенское образование было куда более качественным, чем бернийское, и Вельтирр стремился устранить это неравенство. К сожалению, тогда это мало кто понимал, и Вельтирр приобрёл репутацию предателя. Окончательно погубил его репутацию изданный в 1753 году указ о закрытии ликантрозориев. Ныне широко известны некоторые исследования, согласно которым один из братьев Вельтирра, наследный принц Арсиан, скончался именно в результате ликантропии, не выдержав первого полнолуния, а вовсе не от горячки, как утверждают...

– Молчать! – прогремел профессор Генш, резко поднявшись на дрожащие ноги. – Урмэди, что за чушь вы несёте? Наследный принц был оборотнем?!

– Но есть все доказательства – сказал Рэйварго взволнованно. – Известно, что его стали бояться собаки и лошади... он не мог дотрагиваться до серебра... Вельтирр неоднократно предпринимал попытки разыскать книгу Дропоса Анфа «Ликантропия»...

– Хватит, – коротко сказал, как отрезал, Генш, резко опустив раскрытые ладони на стол. – Хватит. Вы отступаете от темы, обозначенной в названии. Вы должны были расска-

зять о демократических преобразованиях Вельтирра Четвёртого, а не вываливать тут на нас идиотские исследования... Никакой «Ликантропии» нет, молодой человек... Садитесь. Работа не засчитана.

Рэйварго, и так не отличавшийся особенным румянцем, побледнел ещё сильнее – он всегда бледнел от обиды или гнева. Сколько времени и сил он потратил на эту работу! Юноша молча закрыл папку и сделал шаг, выходя из-за кафедры. Группа перешёптывалась – удивлённо, а некоторые и злорадочно. Впервые за пять лет зубрила Рэйварго Урмэди провалил работу!

– Не засчитана, – медленно и негромко проговорил Гилорк, широко улыбаясь. Потом он резко вскинул руку и вскрикнул, ухмыляясь:

– Смерть волкам!

– Это неправильно, – произнёс громко Рэйварго, глядя куда-то в стену.

Все звуки разом смолкли, будто их кто-то выключил. Все, кто был в аудитории, замерли, глядя на Рэйварго расширенными глазами. А он, казалось, даже не замечал общего молчаливого возмущения.

– Неправильно даже в биологическом смысле, – с лёгким презрением в голосе продолжил юноша. – Любой знает, что в полнолуние оборотень превращается вовсе не в волка.

– А в кого же, можно узнать? – злобно крикнула Ольса, покраснев от ярости ещё сильнее, чем несколько минут на-

зад.

– У этого существа нет названия, – спокойно ответил Рэйварго. – Оно существенно отличается от волка. Во-первых, больше его и сильнее. Челюсти более крупные, морда шире, чем у обычного волка, вдобавок передние лапы немного длиннее задних, а на спине небольшой горб, как у гиены. Уши короче, хвост длиннее, нечётное число резцов сверху и снизу. Думаю, это какой-то первопредок.

– Хватит! – громко воскликнул профессор Генш. Его голос дал петуха, и профессор схватился за шею, словно подавившись своим вскриком. Он сильно побледнел, а глаза налились кровью.

– Профессор, вам плохо? – кинулся к нему Рэйварго, но Генш, справившись с собой, вытянул руку, одновременно и отстраняя его, и указывая ему на дверь.

– На сей раз прощу, Урмэди, – сказал он, устремив на испуганного и огорчённого юношу ненавидящий взгляд, – но ещё одна такая проповедь – и вы лишены допуска к экзаменам. Я, как декан факультета, это устрою. Выйдите вон и не попадайтесь мне сегодня на глаза!

После секундной паузы Рэйварго круто развернулся и без единого слова вышел из кабинета.

В коридоре было пусто и тихо. Рэйварго подошёл к широкому окну и устало оперся на подоконник. Внутри, между рёбер, как будто застыл горячий вибрирующий комок. Рэйварго был в ярости, но ещё сильнее была растерянность. Ещё

никогда у него не было таких столкновений с преподавателями, даже в школе его ни разу не выставляли из класса, но это было сущим пустяком в сравнении с тем, что он, похоже, чуть не спровоцировал у Генша припадок или ещё что похуже.

До конца пары оставалось всего ничего. Рэйварго решил подождать, чтобы забрать из кабинета свои вещи. Когда часы на стене показали половину третьего и из-за двери аудитории послышался шум, он повернулся и направился к двери, но та вдруг резко распахнулась и оттуда высыпали студенты.

– Урмэди тебя отбрил, Гилорк, – заявил один из них Марнею, шутливо пихнув его в спину. – Теряешь хватку.

– Да пошёл он, – лениво отозвался тот. – Чем ещё ему привлечь внимание? Цирки уродов у нас запрещены...

Рэйварго на секунду остановился, как будто его резко толкнули в грудь. Забыв о своих тетрадках, он быстро развернулся и направился к лестнице.

Рэйварго вышел на крыльцо и устало опустился на ступеньку. Услышанное только что обидело его куда больше, чем он мог подумать. Марней знал, куда ударить. Рэйварго мрачно сжал кулаки. Разве он виноват в своём уродстве? Виноват в своих поросячьих глазках, в своих вздутых, как от какой-то болезни, губах, в здоровенном сломанном носе? Виноват в красных шрамах на правой стороне лица, оставленных перенесённой два года назад Красной Лихорадкой? Не виноват. А мыкаться с этим придётся всю жизнь. И пока все остальные будут танцевать со своими девушками и воровать для них сирень в городском саду, жениться, растить детей, он будет всё стареть и стареть в одиночестве. Впрочем, Рэйварго относился бы к этому куда легче, не будь на свете...

В воротах появилась невысокая, тоненькая светловолосая девушка в длинной синей юбке и лёгкой кофточке. При виде её Рэйварго вздрогнул. Нарочито быстро он отвернулся, но, когда девушка пересекла быстрым шагом двор и взлетела по лестнице, не выдержал и обернулся.

Он успел увидеть лишь, как в дверном проёме мелькнула юбка. Дверь с треском захлопнулась, Рэйварго увидел своё отражение в оконном стекле за ней, и выражение робкой нежности на его ужасном, изуродованном болезнью лице сменилось ненавистью. Что за урод!

Дверь тут же распахнулась снова, и ненавидящее лицо Рэйварго бросилось в глаза вышедшему Гилмею.

– Ах! – воскликнул он, и Рэйварго, очнувшись, поднял на него глаза.

– До сих пор злишься, что ли? – спросил Гилмей, подходя к нему и протягивая вперёд вытертый портфель: – Я твои вещи забрал.

– Спасибо, – Рэйварго забрал портфель и поднялся на ноги.

– Ты злишься на этого идиота Гилорка, что ли? – изумился Гилмей. – Ну, парень, ты совсем расклеился. Ты же не девочка, в конце концов!

– Что ты говоришь?.. А, конечно нет, – махнул рукой Рэйварго. – Ну его к чёрту. Я просто...

– Что? – быстро спросил Гилмей. Вот уж кто точно иногда вёл себя по-девчоночьи – по крайней мере, любопытство у него было уж точно женское.

– Да Генш на меня озлился, помнишь? – нашёлся Рэйварго. – Я подумал, он в обморок упадёт. Он, наверное, теперь меня ненавидит.

Гилмей пробурчал что-то, а потом быстро спросил:

– Пойдём, прогуляемся? У меня есть кое-какие новости.

– Пошли, – устало согласился Рэйварго.

Университет находился в старой части города. Дома здесь были низкие, не выше трёх этажей, но очень красивые, украшенные скульптурами и резьбой, как это было модно в ста-

рые времена. Над дорогами, которые здесь были грунтовые, ветер быстро нёс красноватую пыль и обычный городской мусор – обрывки объявлений, окурки, фантики от конфет и желтоватые, с пятнами жира пакетики из-под жареного нута.

Гилмею было двадцать три года, так же как и Рэйварго. Его мать, красивая, несколько меланхоличная женщина, была замужем в третий раз. Её первый муж, отец Гилмея, умер спустя месяц после рождения сына от сильной простуды. Второй муж вначале, казалось, хорошо относился и к ней, и пасынку, но постепенно их отношения только ухудшались, и в конце концов дело завершилось разводом. Последние тринадцать лет мама Гилмея была женой очень положительного и надёжного человека, сколотившего немалое состояние. В этом браке у них родились двое дочерей, старшей из которых было одиннадцать, а младшей – восемь лет. Гилмей, кажется, сам не вполне знал, чем же занимается его отчим – по крайней мере, когда Рэйварго его об этом спрашивал, парень никогда не мог дать внятного ответа.

Многие из тех, кто близко знал и Рэйварго, и Гилмея, удивлялись: и как только они дружат? Ничего общего между этими двоими не было. Рэйварго был страстным, импульсивным, трудолюбивым, горячим, а Гилмей, напротив, – холодным, скептическим, насмешливым, даже несколько скучным. Рэйварго был некрасив и одинок, Гилмей – миловиден и популярен среди девушек. На самом деле их отношения

держались исключительно на привычке: Рэйварго и Гилмей оба были из Донирета, учились там в одной школе и в одном классе, теперь были на одном факультете. Когда-то горячая и крепкая, с годами их дружба слабела по мере того, как оба менялись, и теперь уже агонизировала. Требовался только толчок, чтобы она распалась.

Разумеется, не об этом они говорили, когда шли по улице. Гилмей спросил Рэйварго о его племяннике, тот сообщил, что у малыша режутся зубки, и сестра пишет, что совсем не высыпается; потом Гилмей рассказал ему о пьесе, на которую ходил вчера, и пожаловался, что ничего скучнее в жизни не видел и зря отдал деньги за билет. Он всё ещё продолжал костерить на все лады и актёров, и сценарий, и музыку, но его слова уже доносились до Рэйварго как будто издалека. Он снова вернулся мыслями к сегодняшнему происшествию, и в мыслях сердился и на свою несдержанность, и на сокурсников, и на профессора Генша.

– Зайдём в «Улей»? – вторгся в его размышления голос Гилмея.

«Улей» был небольшой забегаловкой, где подавали дешёвую еду. Несмотря на дешевизну, «Улей» не был популярным местом среди студентов, в отличие от некоторых других кафе, где можно было не только пообедать, но и потанцевать. Зато здесь никогда не бывало шумно. Зайдя внутрь, друзья уселись за один из пустующих круглых столиков.

– Тебе взять что-нибудь? – спросил Гилмей, роясь в сумке

в поисках денег.

– Чаю не принесёшь? – Рэйварго протянул ему пару медяков, и Гилмей, кивнув, ушёл к стойке.

Рэйварго откинулся на спинку стула, витая в своих мыслях. Он заканчивал последний курс, через месяц должна была начаться последняя в его жизни сессия, в сентябре он защитит диплом и тогда отправится в свободное плавание... а точнее, вернётся в Донирет, к отцу, у которого был букинистический магазин в этом городе. Рэйварго помогал ему работать там, будучи ещё ребёнком, и постепенно и у него, и у его отца сама собой сложилась уверенность в том, что Рэйварго продолжит это дело. Высшей мечтой Хильтуньо было собственное издательство. Рэйварго тоже часто мечтал об этом. Но это было раньше. Последние несколько месяцев он часто думал, а нужно ли это ему? Конечно, ничего ещё не было решено. Хильтуньо с сына никаких обещаний не брал. Выбор у Рэйварго был – у него выходило «отлично» по всем предметам, и он был твёрдо уверен в том, что как минимум шесть из десяти экзаменов сдаст «автоматом». С дипломом отличника перед ним была открыта какая угодно дверь. Вот только отца не хотелось разочаровывать – он уже привык к мысли о том, что Рэйварго будет его наследником, наверняка отказ принесёт ему боль. А отца Рэйварго любил, и не хотел огорчать его.

Чем ближе становилась сессия и окончание студенческой жизни, тем чаще эти мысли закрадывались в черноволосую

голову Рэйварго. Вот и сейчас, пока Гилмей не пришёл, он снова начал об этом думать.

«Но если не магазин, то что? – спрашивал он себя. – Что?» Нельзя сказать, чтобы эта работа ему не нравилась. Никто из его знакомых лучше, чем он (исключая папу, конечно), не умел подлечить старую книгу. А Рэйварго делал это мастерски, досконально изучив все приёмы этого на первый взгляд нехитрого искусства – от прошивки страниц до заклинаний против плесени и мышей и знания различных старинных способов переплетения. Но неужели заниматься этим всю жизнь? Неужели заживо похоронить себя в мастерской и постепенно потерять прямую спину, острое зрение и силу мышц?

За этими мрачными мыслями его и застал вернувшийся Гилмей. Он нёс на подносе тарелку фасоли с жареной рыбой и два стакана чая. Опустив поднос на стол, он пододвинул один стакан Рэйварго и уселся на стул.

– Страшно хочу есть, – сообщил он, заправляя не особо опрятную салфетку за воротник и принимаясь за фасоль.

– Спасибо за чай, – сказал Рэйварго и поднёс стакан к губам, глядя за окно. Мимо «Улья» проехали, поднимая пыль, два мальчика на велосипедах. Пройшла, переваливаясь, пожилая женщина. Пьяноватый голос на другой стороне улицы выкликал кого-то.

– Чёрт возьми! – вырвалось у Рэйварго. – Скорей бы уже всё это закончилось!

– Ты о чём?

– Да об экзаменах.

– Тебе грех жаловаться, – резонно заметил Гилмей, вытаскивая косточки из рыбы. – У тебя же почти по всем автомат, даже и не спросят. Кстати, на какую тему диплом пишешь?

– Пока не знаю, – пожал Рэйварго плечами. Гилмея это потрясло настолько, что глаза его увеличились раза в два:

– То есть как – не знаешь?!

– Да так. Впереди ещё целое лето, надо только найти руководителя и тему.

– Хочешь совет? – хитро прищурился Гилмей. – Не надо про Маленького Вельтирра и ликантрозоории. Не поймут.

– Слушай, Гилмей, если ты меня сюда затащил, чтоб поговорить об этом, то давай как-нибудь потом! – взорвался Рэйварго. – Думаешь, мне приятно вспоминать?

– Да просто это очень неосторожно, понимаешь? Ты же знаешь Генша. Не удивлюсь, если он ещё долго будет на тебя зуб точить. И вообще, где ты вычитал эту галиматью про оборотней?

– В «Белом шиповнике», – неохотно, будто признаваясь в каком-то недостойном деянии, ответил Рэйварго.

Гилмей уставился на него с изумлением, а затем возмущённо мотнул головой, бросил вилку в тарелку и откинулся на спинку стула, глядя на сокурсника так, словно тот оскорбил его в лучших чувствах.

– Это же радикалистский журнал! Что за чушь они там

печатают!

– Ну, среди этой чуши тоже можно отыскать кое-что интересное, если захочешь.

– Тебе интересны оборотни? – Гилмей презрительно сморщил свой красивый, без малейшей кривизны, нос. – Это же... это же просто животные. Подлые грязные твари – ничего больше. Тьфу. Даже есть расхотелось. – Он с сожалением посмотрел на остатки фасоли и рыбы и отодвинул тарелку от себя.

Рэйварго ничего не ответил. Он, задумчиво нахмурясь, сидел, склонив богатырские плечи, и глядел не то на салфетницу, не то на круглую подставку под пиво, не то на собственные сплетённые в замок пальцы.

– Да, пожалуй, ты прав, – с какой-то подозрительной решительностью выпалил наконец он. – Не надо было мне этого говорить... теперь даже в университет стыдно возвращаться. Как я там всем в глаза буду смотреть? – Под «всеми» он разумел, хотя Гилмей этого и не понял, светловолосую девушку. Её отец пропал без вести, когда она была ещё малышкой. Ходили слухи, что он был убит оборотнями...

– Так о чём ты поговорить-то хотел? – глухо спросил Рэйварго у Гилмея. Тот молча вытащил из кармана письмо во вскрытом конверте.

– Вот. Мама вчера прислала. Завещание деда наконец вступает в действие. Он оставил мне свой дом.

Настал черёд Рэйварго вытаращить глаза:

– Ты получил в наследство целый дом? Сдуреть можно!

– Ничего хорошего в этом не вижу, – уныло протянул Гилмей. – Я последний раз в этом доме был лет десять назад. Дед уже тогда болел. Видел бы ты этот дом! В нём бы фильмы ужасов снимать.

– Почему? – улыбнулся Рэйварго.

– Дом очень большой и почти совсем пустой. И в состоянии ужасном. В ванной комнате, представляешь, на стене трава росла между плитками!

– Кошмар, – закатил глаза Рэйварго. – Ты, говоришь, был там десять лет назад? Так почему бы тебе не съездить туда, не посмотреть, в каком он состоянии сейчас? Может, его ещё можно отремонтировать.

– Ты просто провидец. Я как раз хотел сказать, что завтра хочу туда съездить. Мама прислала ключи. Только вот... хм... я один ехать не хочу. Поедешь со мной?

– А далеко этот дом?

– Недалеко от Тенве. Городок такой возле Лесистых гор.

– Гилмей, но ведь сегодня пятница, а во вторник ты собирался сдавать курсовую.

– Я ведь пишу не у Генша. Мой научрук – Бингельм с кафедры музеологии, ты же его знаешь, он на своих лекциях больше байки травит, чем рассказывает об истории музеев мира. Ребята с его направления говорили, что сдавать ему экзамены и курсовые всё равно что два пальца об асфальт. Так что за меня не волнуйся. Тебе надо волноваться за себя.

Рэйварго слегка нахмурился. Гилмей похлопал его по руке:

– Ты в последнее время совсем заработался. Тебе надо развеяться, съездить куда-нибудь... Поехали со мной, а? Посмотрим, как жил старик. Может, дом и правда ещё не так плох...

– Хорошо, я поеду, – кивнул Рэйварго.

– Отлично, спасибо! Только выехать я хочу пораньше. Всё-таки нам часа три ехать.

– Поедем на поезде?

– Нет. В Тенве несколько месяцев назад железную дорогу взорвали. Не всю, конечно, а только ту ветку, которая ведёт на запад. Говорят, это сделали анархисты... – Гилмей вздохнул, театрально закатив глаза: – Видишь, они нам жить мешают, а ты их журнальчики читаешь.

– В «Белый шиповник» пишут радикалы, а не анархисты, – поправил его Рэйварго. – И вообще, может, скажешь, куда и во сколько приходить?

– На автовокзал часам к семи. Автобус ходит до Гарду и делает остановку в Тенве. Ну что, придёшь?

– Приду. Завтра увидимся.

На том и порешили. Поболтав ещё немного о том о сём, друзья расстались – Гилмей отправился на консультацию по генеалогии (по которой у Рэйварго был автомат), а его друг зашагал в общежитие.

Чем ближе Рэйварго подходил к дому, тем хуже ему ста-

новилося. Ноги словно налились свинцом – ему не хотелось идти в общежитие. Ему всегда было нелегко с людьми, что в школе, что после неё, и он прекрасно понимал, что проблема тут в нём самом, а не в других. Возможно, будь он чуть сговорчивее, веселее, «проще», как ему временами советовали окружающие, всё было бы по-другому. Подпинывая ногой камушек, Рэйварго шагал дальше. Как отличник, он занимал отдельную крохотную комнатку – большинству ребят приходилось жить по двое, по трое, а иногда и по четверо. Это был не предел: многие комнаты общежития были рассчитаны на шесть жильцов. Просто сейчас высшее образование в Бернии носило элитарный характер – далеко не все выпускники шли после школы в вуз, тут бы помочь родителям поднять младших братишек и сестрёнок, не до институтов. Поэтому общежития стояли полупустые, и коменданты нередко за небольшую плату селили туда посторонних. Если начальство узнавало об этом, коменданты получали большой нагоняй, но это мало кого останавливало.

Вскоре Рэйварго свернул в залитый солнцем переулок, за которым возвышалось серо-коричневое здание общежития. Дворик был пуст, единственный, кого Рэйварго встретил, был Марней Гилорк, который покуривал, прислонясь к стене. Он уже успел переодеться и прихорошиться, напомаженный кок его чёрных волос сверкал на солнце столь же ярко, как и начищенные туфли. При виде его Рэйварго скрутила ненависть. Он знал, зачем Гилорк навёл такой марафет,

и при мысли о том, как через полчаса этот красавчик будет фланировать по улицам Ретаке рука об руку со светловолосой девушкой в синей юбке, его охватила тоска, утолить которую не могло ничто. Он прошёл мимо Гилорка, а тот окликнул его:

– Похоже, в этот раз тебя потопили, Урмэди!

– Пошёл к чёрту, – бросил через плечо Рэйварго. Гилорк издал смешок, туша сигарету о штукатурку стены:

– Я вроде как не собирался к тебе. У меня несколько другие вкусы.

Рэйварго остановился и обернулся, смерив Марнея презрительным взглядом:

– Забавно слышать это от человека, который красится, как девочка.

– Тебе-то что, Урмэди! Тебе вот уже ничего не поможет. Помнишь, как мы с пацанами подкараулили тебя в шестом классе? Ты должен нас поблагодарить – до того ты был похож на хрюшку, а теперь – на хрюшку со сломанным носом.

Оглушённый внезапной вспышкой гнева, Рэйварго шагнул вперёд. Одноручник не успел и дёрнуться, когда Рэйварго схватил его за рубашку на плечах и впечатал его спиной в стену. Ботинки Гилорка оторвались от земли. Он возмущённо распахнул рот и тут же его закрыл.

– Ты, сволочь... – От ярости Рэйварго не мог даже кричать: возмущение душило его, и голос был еле слышен. Марней вытаращился на него – злобно, но в то же время испуган-

но. Рэйварго с удовольствием треснул бы его головой о стену, но было одно обстоятельство, мешавшее ему это сделать. Обстоятельство, которое сейчас заставляло его раскаиваться уже за то, что он только тронул Марнея пальцем.

– Думаешь, я не знаю, кто напал на профессора Гланнривина? – выпалил он наконец. – Думаешь, я не запомнил твою рожу, Гилорк?

Марней побледнел, его оттопырившаяся в гримасе страха верхняя губа задрожала.

– Ты... ты ничего не можешь доказать, – буркнул он.

– Да. Не могу. Это ты верно подметил. Но это не значит, что я вдруг зауважаю тебя. Ты напал с кулаками на старика! На профессора!

– Не только я! – огрызнулся Гилорк.

– Да, конечно, не только ты. Вместе с тобой было ещё десять или двенадцать пустоголовых сволочей, орущих всякую дрянь вроде этого «Смерть волкам»! Конечно, вдесятером не так страшно нападать на героя революции, которому уже стукнуло семьдесят лет, которому ноги в застенках переломали...

– Поставь меня на место, Урмэди! Ты пожалеешь!..

– Уже жалею, – с презрением в голосе откликнулся Рэйварго. Он отпустил Гилорка и отступил на шаг. Тот чуть не упал и удержался лишь потому, что ухватился обеими руками за стену.

– У тебя слишком милая невеста, – сказал Рэйварго,

усмехнувшись, – не хочется её расстраивать.

Он развернулся и зашагал в общежитие, скрипя зубами и сжимая кулаки. Проходя мимо забора, он не удержался и ударил по нему кулаком. При виде этого Марней, уже раззявивший рот, чтобы выкрикнуть вслед Рэйварго что-нибудь оскорбительное, слабо тьякнул и заткнулся: кулак отличника оставил на фанерном заборе вмятину, в которую могло бы поместиться крупное яблоко.

Он поднял голову и затравленно огляделся, ища, не видел ли кто-нибудь их схватки. Но ни одно лицо не мелькало в окнах, ни один насмешливый голос не окликнул его. Утерев пот со лба, Марней отправился домой, злобно щурясь и машинально приглаживая волосы – он всегда так делал, когда волновался и злился. Он даже не подозревал, в чём была истинная причина того, что Рэйварго его не тронул, но в то же время радовался, что всё обошлось только испугом. А причина тем временем, торопливо мазнув ещё раз пуховкой по лицу, бросила последний испытующий взгляд на зеркало и выскочила за дверь, взмахнув длинными светлыми волосами.

3

Автобус остановился совсем рядом с Тенве. Неподалёку от шоссе была видна железнодорожная станция – маленький бетонный перрон, рассеченный посередине глубокой трещиной, словно в него где-то в тридцатых годах ударила молния и с тех пор никто особо над этим не заморачивался. В трещине рос куст. Перед самым перроном на земле блестяли свинцовые ленты рельс. Здание вокзала – крохотный домик с плоской крышей, похожий скорее на подсобку, – одной стеной примыкало к старой водонапорной башне из красного кирпича. Башня была крепкая, шестиугольная, с мокрой жестяной крышей. Полукруглые окна в верхней части забиты досками. У вокзальчика, башни и на перроне стояло несколько жителей посёлка, которые с мрачным любопытством глядели на молодых людей. Рэйварго кивнул им, пока переходил вслед за Гилмеем рельсовые пути. Местные были явно озадачены такой приветливостью, и кое-кто даже покрутил пальцем у виска, когда Рэйварго отвернулся.

Не заходя в город, они вышли на старую, полузаросшую дорогу, ведущую через поле по направлению к голубевшим на горизонте горам. Впереди виднелась возвышенность, вся заросшая деревьями. Пасмурная погода придавала этому тихому месту мрачноватый вид, не лишённый, впрочем, романтики и суровой красоты. Юноши дошли до холма, и вско-

ре между деревьями показалась старая ограда, прорезанная посередине коваными воротами, к которым и вела тропинка.

Сквозь ворота был виден запущенный старый сад и дорожка, выложенная растолканными пробившейся травой в разные стороны камнями. Дорожка вела к стоящему в глубине сада дому.

Недовольно бормоча что-то, Гилмей начал рыться по карманам в поисках ключей. Наконец он отпер ворота и вошёл в сад, Рэйварго – за ним.

При всей неухоженности было видно, что сад когда-то был красивым, опрятным и уютным. Слева от тропинки была маленькая площадка, выложенная белыми плитами, в прорезях между которыми зеленел вездесущий мох. Мхом были покрыты и ножки каменных скамей, полукругом выстроившихся вокруг овального фонтана. Из потрескавшегося клюва небольшого грифона давно не текла вода, лишь по шее и груди протянулись длинные полосы ржавчины. Справа, посреди круглой клумбы, густо заросшей молодой крапивой, возвышались солнечные часы, и конечно, Рэйварго не смог удержаться от того, чтоб не взглянуть на них поближе.

Когда он наконец оторвался от украшенного причудливой резьбой циферблата, Гилмей уже был в доме. Рэйварго огляделся по сторонам. Он не мог понять недовольства своего друга. Ему самому здесь очень нравилось.

Дом был выстроен на века. Ему явно было уже не менее ста пятидесяти лет, а не ремонтировался он лет, мо-

жет быть, тридцать, но по-прежнему выглядел добротным и крепким. Правда, он казался немного мрачноватым из-за сырости и того, что большинство окон были наглухо закрыты ставнями. Но почему-то Рэйварго этот дом понравился. Он вообще очень любил всё старое, обветшалое, то, над чем нужно работать и что нужно реставрировать.

Рэйварго поднялся по ступеням и открыл дверь. Он оказался в не очень большом зале, с правой стороны в котором была уводившая вверх лестница. Сверху раздался звук открываемой двери. Рэйварго зашагал по ступенькам.

Наверху оказался длинный, просто бесконечный коридор. Сразу и не заметишь, что на стенах обои – так они потемнели. Правая стена коридора была почти совсем глухой, если не считать двух-трёх наглухо закрытых окон. Левую стену прорезывали несколько дверей. В промежутках между ними к стенам были прибиты светильники, лампочки в которых либо были побиты, либо вообще отсутствовали. Одна из дверей была открыта, и как раз в тот момент, когда Рэйварго вошёл в коридор, из неё донеслось возмущённое:

– Блеск! Ну просто блеск!

Улыбнувшись, Рэйварго зашагал к той двери и заглянул в маленькую комнатку, совершенно пустую. Единственным предметом убранства был старый-престарый, разохшийся и не закрывающийся шифоньер, перед которым Гилмей стоял, скрестив руки, и с отвращением разглядывал почивший в шкафу остов кушетки.

– Знаешь, – сказал он, обернувшись к Рэйварго, – я не представляю, что делать с этим дворцом. Ремонтировать его уже нельзя, ещё рассыплется. Дешевле сжечь и построить новый.

– Ты хоть бы окно открыл, – предложил Рэйварго. Подойдя к закрытому окну, он отпер задвижку на ставнях, распахнул их и обомлел.

Из этой комнаты открывался вид не на городок, а на горы. Отсюда они казались совсем близкими. Их синие горбы под жемчужным небом были настолько великолепны, что уже только ради этого зрелища стоило сюда ехать так долго.

– Как здесь красиво, – проговорил Рэйварго в пространство.

– И что с того? Меня тошнит от этого дома. А ведь ещё придётся ночевать здесь...

– И как я только тебя терплю? – шутливо буркнул Рэйварго. – Ладно, говори, что делать.

– Короче, внизу в кухне есть люк в подпол. Не посмотришь, что там? Вот, держи фонарь, – Гилмей протянул Рэйварго большой ручной фонарь. – А я пока тут ещё поброжу.

Спустившись под стук выдвигаемых наверху шкафчиков комодов, Рэйварго сразу нашёл кухню. Дверь в неё находилась слева от главного входа, совсем рядом со старым камином, перед которым лежал ковёр, весь в хлопьях пыли. От двери сразу начиналась лестница, ведущая вниз: кухня находилась в полуподвальном помещении. Как ни странно,

почти все окна, которые были здесь вырублены под самым потолком, были открыты. При свете, падающем из них, Рэйварго сразу обнаружил вход в подпол.

Люк не был заперт. Рэйварго откинул его и еле сдержался, чтоб не чихнуть от взметнувшейся облаком пыли. Из тёмной дыры, в которую уводили деревянные ступеньки, на него пахло затхлым воздухом.

Рэйварго спустился немного вниз. Лестница одной стороной примыкала к сложенной из толстых брёвен стене, с другой стороны была снабжена перилами. Перегнувшись через них, Рэйварго осветил фонариком в темноту.

Подвал был довольно большой. Вдоль одной стены протянулись крупные и совершенно пустые лари, в одном из которых валялось несколько сморщенных брюкв, а из другого выскользнула испуганная светом и шагами чёрная крыса и скрылась в завалах рухляди, загромождавшей остальную часть подвала.

Здесь были кое-как составленные столы, стулья, бюро, ящики, пустые бочонки, сваленные в одну кучу рулоны ткани, мешки, картонные коробки. На верхушке причудливой горы из всякой всячины торчал похожий на диковинный гриб зонтик. Сиротливо валялись чемоданы, распахнутые, точно крокодильи пасти. Аккуратной колонной желтели составленные друг на друга круглые коробочки для шляп. Рэйварго неспешно обошёл это вавилонское скопление ненужных вещей и приблизился к небольшому изящному диванчи-

ку с узким сиденьем и низкой спинкой. Белую ткань, обтягивавшую его, почти не затронуло время, но позолота с резных деревянных ручек уже немного сползла. Рэйварго, улыбнувшись, осторожно провёл ладонью по подлокотнику. Воображение нарисовало ему другую руку, женскую, белую и тонкую, которая могла когда-то лежать здесь. Он поднял глаза и замер.

Стену за диваном перерезывала длинная вертикальная щель, которая не могла быть трещиной. Присмотревшись, Рэйварго понял, что в стене – дверь.

У неё не было ни дверной ручки, ни замочной скважины, но это была дверь, не было никаких сомнений. Обойдя диван, Рэйварго положил руку на одно из брёвен, потом поочередно провёл ею по всем остальным. Одно из брёвен внизу было как будто распилено рядом с дверной щелью. Рэйварго попробовал расшатать этот срез, и кусок дерева под его ладонью покорно задвигался туда-сюда в своём пазу. Охваченный возбуждением, Рэйварго двинул срез сначала вверх, потом вниз, и спустя миг округлый с одной стороны и плоский с другой обрубок оказался у него в руке.

Теперь Рэйварго было понятно строение загадочной двери: она была сколочена из досок, и только сверху к ней были для маскировки прибиты срезы брёвен. Правда, это открытие ничем ему не помогло: на обнажившейся доске большим муравьём чернела замочная скважина, а ничего, похожего на ключи, в карманах у Рэйварго не наблюдалось. Мож-

но было, конечно, попробовать использовать вместо отмычки один гвоздь из стоявшего неподалёку ящика, но навыками медвежатника Рэйварго не обладал. Пришлось ему возвращаться наверх.

Выйдя на свет, он увидел, что весь в пыли, и принялся отряхиваться, и как раз за этим занятием его и застал вошедший Гилмей.

– О-го-го! – присвистнул он. – Где это ты так извозился?

– В подвале, – честно ответил Рэйварго. – Когда пытался открыть потайную дверь.

– Чего?.. Ладно, не дури. Лучше помоги мне найти гаечный ключ.

– Мне как раз тоже нужен ключ. Только не гаечный.

– Рэйварго! – рассердился Гилмей. – Пошутил, и хватит.

– Я не шучу. Там внизу потайная дверь. Можешь спуститься и сам посмотреть. – Рэйварго протянул ему фонарь.

Гилмей с несколько секунд смотрел то на Рэйварго, то на фонарь, сердито сопя, а потом выхватил фонарик из рук сокурсника и затопал по ступенькам. Рэйварго тем временем снова сделал попытку отряхнуться, хлопая себя по рукавам, но застарелая пыль только липла к ладоням.

– Ничего нет! – закричал Гилмей.

– Да как же нет! – сердито отозвался Рэйварго и быстро спустился по ступенькам.

Гилмей стоял и светил на стену, противоположную той, в которой была дверь.

– За твоей спиной, – спокойно сказал Рэйварго. Гилмей недоверчиво глянул ни него, но всё же соизволил обернуться и посветить на другую стену. Некоторое время спустя он изумлённо, с присвистом, выдохнул.

– Ну что, теперь веришь? – Рэйварго взял у него фонарь и, подойдя к двери, присел рядом с ней на корточки. – Тут замочная скважина. Тебе не попадалось ничего, похожего на ключ?

– Нет, – задумчиво произнёс Гилмей, подходя и опускаясь на корточки рядом с Рэйварго, – хотя... – Он выудил из кармана длинную старомодную девичью заколку.

– В комодё нашёл, – объяснил он и, изогнув заколку крючком, запихал её в замочную скважину. – Я тебе никогда не рассказывал, что мой первый отчим очень любил запирать меня в шкафу за разные провинности? Закроет, а сам уйдёт шляться по городу. А я дождусь, пока он уйдёт, и открою дверь изнутри маминой заколкой... – Гилмей захихикал. – Так и делал, пока мама не развелась с этим придурком. Готово.

Дверь открылась мягко, без скрипа, и, посветив в неё фонариком, ребята увидели маленькую, совершенно пустую комнатку, в глубине которой стоял небольшой сундук. Они молча приблизились к нему. Рэйварго слышал, как тяжело и возбуждённо дышит Гилмей.

Сундук был очень старым. Доски, из которых он был сделан, рассохлись. Железо, которым были обиты углы, стало

красным от ржавчины. Сундук закрывался на небольшой висячий замок, упавший и рассыпавшийся, едва Рэйварго до него дотронулся.

– Открывай, ну же, – прошептал Гилмей. Рэйварго подрагивающими руками откинул крышку сундука. Он был почти до краёв заполнен сухим серым песком, перемешанным со стружками. Ребята осторожно начали разгребать эту смесь руками, и сразу же наткнулись на что-то плоское и шершавое.

Они выудили наружу небольшой прямоугольный предмет вроде ящичка, завернутый в холстину и обвязанный бечёвкой. Рэйварго сразу хотел развязать узлы, но Гилмей предложил выйти сначала наружу. Быстро они пересекли подвал, кухню и, выйдя в гостиную, встали возле небольшого стола. Рэйварго бережно, как ребёнка, положил свёрток на стол и развязал бечёвку. Под холстом оказалась другая обёртка – из тщательно выделанной мягкой кожи, обвязанная тонким ремешком, под этим слоем третий – из тончайшего батиста. Убирая его, Рэйварго чувствовал, как сильно у него дрожат руки.

Две головы: кудрявая каштановая и взъерошенная чёрная склонились над лежавшей на столе древней книгой. Она была небольшая, форматом с обычную ученическую тетрадь, только чуть поуже, довольно толстая. Корешка у неё не было, а переплётом служили две маленькие доски, в которых были с внутреннего края просверлены отверстия. Сквозь эти от-

верстия кожаными шнурками истрёпанные страницы и переплёт книги сшивались воедино. Никаких знаков, символов или надписей на досках не было.

Осторожно, бережно, будто убирая катаракту с глазной роговицы, Рэйварго приподнял верхнюю доску и откинул её на стол.

Перед ними открылась первая страница книги. На ней аккуратно, от руки, выцветшими чернилами было выведено название книги:

ЛИКАНТРОПИЯ

А чуть ниже:

Сия книга написана Дропосом Анфом

4

Гилмей провёл ночь в одной из комнат второго этажа, на большой запылённой кровати с балдахинном, куда улёгся, поборов свою природную брезгливость. Там он проспал всю ночь, свернувшись калачиком и видя неприятные, тревожные сны.

Проснулся он очень рано и некоторое время лежал в кровати, вздрагивая от утреннего холода и уныло глядя в серое, пасмурное небо за окном. Вчерашнее происшествие спутало все их планы. Рэйварго был так потрясён находкой, что чуть слезами не плакал. Толку от него с этого момента было мало: он без устали восхищался книгой, осторожно листал её, восторженно говорил что-то Гилмею... В конце концов от всех переживаний настроение у Гилмея совсем испортилось и он, оставив Рэйварго наедине с Дропосом Анфом, отправился побродить по окрестностям. В Тенве он зашёл на почту и протелефонировал оттуда своему отчиму, который пообещал ему заехать завтра за ним и Рэйварго на своём автомобиле. После этого Гилмею ничего не оставалось, кроме как считать часы до отъезда из дома, который он уже возненавидел.

Сейчас, встав с кровати, он медленно подошёл к окну. Мышцы затекли и не желали слушаться, тело ни капельки не отдохнуло. На улице мелкий весенний дождь мочил ка-

менного грифона и скамейки вокруг него. Гилмею снова хотелось в солнечный, раскалённый Ретаке.

Он спустился по лестнице и вниз, за столом у окна, увидел Рэйварго.

Тот сидел, устало откинувшись назад, и глядел на мутное стекло. Книга, лежащая на столе рядом с его правой ладонью, была закрыта.

– С добрым утром, – окликнул его Гилмей.

– А? – встрепенулся Рэйварго и повернулся к нему. Лицо его побледнело после бессонной ночи, а веки покраснели и припухли. Он слабо улыбнулся.

– Как спалось, Гилмей?

– Да никак... А ты что, совсем не спал? – спросил Гилмей.

– Я прочитал её, – усталым голосом откликнулся Рэйварго, опуская глаза на книгу. Плотнo сомкнув на секунду губы и покачав головой, он пробормотал:

– Я понимаю, почему её жгли инквизиторы. Знаешь, Гилмей, я не поеду с тобой в Ретаке. Мне надо в Донирет, отдать её отцу.

– Зачем? – хмурo спросил Гилмей.

– Зачем?.. Ох, Гилмей, да ведь это же бомба! – Рэйварго легко поднялся на ноги, схватившись обеими руками за голову, запустив пальцы в волосы. – Если мы её издадим – столько изменится, столько!..

– Что изменится? – опасливо поинтересовался Гилмей, недоверчиво относившийся к каким-либо изменениям вооб-

ще и к тем, что ждал и приветствовал Рэйварго, – в частности. Молодой Урмэди поднял на него сияющие глаза.

– Гилмей, – тихо произнёс он, – в этой книге написано всё об оборотнях. Всё, что известно, и всё, что неизвестно... Они не звери, Гилмей. Ликантропия – это болезнь. Просто болезнь. Их лечить надо, а не убивать.

– Как это – не убивать? Рэйварго, да неужели ты поверил в этот бред?

– Не называй её бредом, ты не читал! – гневно воскликнул Рэйварго. – Ох, извини, Гилмей... Я просто так взвинчен!

Он подозвал Гилмея к столу и осторожно открыл «Ликантропию».

– Если это твой дед так о ней заботился, я преклоняюсь перед ним, – тихо сказал Рэйварго. – Посмотри – все страницы проложены калькой, были заклятия от паразитов, сырости – правда, уже довольно изношенные, я ночью наложил новые. Ей не меньше восьмисот лет. Как она могла уцелеть, не представляю.

Он бережно перевернул несколько страниц и, оставив открытым один разворот, выжидательно уставился на Гилмея.

– Видишь? – тихо сказал он.

– Что? Тут пустая рамка.

– Да, пустая, но раньше в ней была гравюра. Чёрный слон. Это священное животное у одного арпианского племени. Дропос пишет, что изучал их магию, чтобы избавиться от оборотничества, и ему она здорово помогла.

– А куда слон-то подевался? – не понял Гилмей.

– Он... в общем, гравюра оказалась заколдованной. Знаешь, приём «рыба в лукошке»? Бриний Ярглонец изобрёл такие сюрпризы. Похоже, Дропос тоже этим воспользовался, или попросил Бриния, они же были современники. Здесь был оставлен знак, отмечающий каждую такую гравюру, я попробовал её расколдовать, и вот.

Он вытащил из кармана что-то и протянул это Гилмею. Юноша взял в руку непонятный предмет и поневоле почувствовал трепет.

Это оказалась маленькая фигурка, вырезанная из чёрного и гладкого камня. Она изображала слоника, стоявшего на трёх ногах. Правую переднюю он слегка поднял, и весь как-то подался назад, словно отступая. Хобот слона был высоко задран, бивни выставлены, рот разинут, а его крошечные глазки – Гилмей мог поклясться в этом – полны страха.

– Знаешь, из чего он сделан? – взволнованно спросил Рэйварго.

– Из камня, – пожал плечами Гилмей.

– Это не просто камень, – проговорил Рэйварго. – Это обсидиан, вулканическое стекло. Вещество, которое для оборотней так же опасно, как серебро...

– Что я слышу! – Гилмей насмешливо изогнул красивые, тонкие брови. – Уж не заделался ли ты охотником на оборотней?

Рэйварго эти слова не очень понравились. Он молча за-

брал протянутую ему фигурку и бездумно сунул её в карман брюк.

– А если серьёзно, – холодно заявил Гилмей, – лучше оставить всё как есть.

Рэйварго метнул на него непонимающий взгляд из-под бровей:

– То есть как?

– Не надо издавать эту книгу. Просто забудь о ней, и всё. Это всего лишь сборник легенд, Рэйварго. Не ввязывайся в это, и меня не впутывай.

– Что же ты так боишься сборника легенд? – улыбнулся Рэйварго.

– Не хочу иметь никакого дела с оборотнями! Вообще никакого, понимаешь? – сердито сказал Гилмей.

– А по-моему, тут нет ничего опасного. Гилмей, неужели ты не понимаешь – эту книгу восемьсот лет считали исчезнувшей! Восемьсот лет! А она – вот!

– Ну и что? Ну и что, Рэйварго?

– Да ведь... – Рэйварго беспомощно замолчал, и тут ему в голову пришёл аргумент, который точно должен был произвести на Гилмея впечатление:

– Да ведь если мы с моим отцом издадим эту книгу, наш магазин здорово на этом заработает.

– Вот с этого и надо было начинать, Рэйварго, – с видимым облегчением заявил Гилмей. – Это я ещё могу понять. Но когда ты начинаешь говорить что-то там о том, что обо-

ротни такие же, как мы – это я, извини, не понимаю.

– Закроем тему, – нахмурился Рэйварго. – Ты хочешь отдать мне книгу?

– Отдать? Тебе? – не понял Гилмей.

– Она была в доме, а дом твой. Значит, и она твоя, – он пододвинул книгу к Гилмею. – И слон, – он запустил руку в карман.

Гилмей помотал головой и отступил на полшага:

– Не надо мне её! Забирай, если ты так, хочешь, а мне она не нужна! Ты можешь считать меня психом, Рэйварго, но у меня такое чувство, что лучше бы мы оставили эту книжку там, где она лежала...

– Спасибо, огромное тебе спасибо! – воодушевлённо сказал Рэйварго, благополучно пропустив мимо ушей его последние слова. Затем он начал бережно упаковывать книгу в её вчерашнюю сбрую.

– Ты что, хочешь уехать уже сейчас? – спросил Гилмей.

– Через полтора часа отсюда отправляется автобус до Альрета. Я доеду туда за три часа, а потом поездом в Донирет. Её надо поскорее доставить моему папе.

– Но тебе совсем не надо ехать в Альрет. Мой отчим пообещал забрать нас отсюда сегодня во второй половине дня, я могу попросить его увезти тебя в Увик, а оттуда до Донирета всего ничего.

– Да, но тот состав, что идёт из Увика в Донирет, ходит только по чётным числам, а сегодня уже двенадцатое. Я

на него опоздаю.

– Ну что ж, – вздохнул Гилмей, – тогда иди.

Благодарно улыбнувшись, Рэйварго перевязал книгу бечёвкой и убрал её в свою сумку. Затем они с Гилмеем попрощались, и Рэйварго вышел на улицу. Ночью прошёл дождь, воздух был влажным и свежим. Радостно улыбаясь, Рэйварго быстрым шагом пересёк двор, обернулся и помахал дому. Но Гилмей уже успел отвернуться от окна и не увидел этого.

Городок выглядел ещё более унылым, чем вчера – наверное, из-за сырости. Огибая лужи и горки мусора, Рэйварго сталкивался взглядами с мрачными и усталыми местными жителями, и мало-помалу его радостное настроение начало сдуваться. Добравшись наконец до вокзала, он узнал пренеприятную новость: на сегодня все рейсы отменяются.

– На дороге произошло обрушение, открылся карстовый провал, – сухо сообщила женщина за окошком кассы и захлопнула окошечко. Рэйварго отошёл, печально нахмурившись. Вот незадача! Может, и вправду вернуться к Гилмею и уехать вместе с ним днём?

– Эй, парень, – услышал он голос за своей спиной и обернулся. Возле него, прислонившись плечом к стене вокзала, стоял небритый потрёпанный мужчина лет сорока пяти, а может, и старше.

– Тебе так сильно нужно ехать в Альрет? – спросил он, пожёывая сигарету. Рэйварго кивнул:

– Да, у меня очень важное дело.

– У меня тоже. Там, в Альрете, у меня брат живёт. Мне надо ему кое-что послать, да вот только ты сам знаешь, какая у нас почта... Сегодня мой сынишка должен был с утра поехать туда на лошади, но свалился с жаром. Ты умеешь ездить верхом?

– Да, – кивнул Рэйварго. – Но ведь вы меня совсем не знаете, как же вы мне доверите такое дело?

– Я не посылаю с ним ничего такого уж ценного, – махнул рукой горожанин. – Да и вообще, сразу видно, что ты не из таких, кто лазает по чужим сумкам.

Рэйварго был польщён. Горожанин продолжал:

– Конь у меня хороший, ему, правда, уже десять лет, но я за ним хорошо ухаживаю. Доберёшься до шоссе и дальше будет всё проще простого, указатели через каждые сто шагов. Ну как, возьмёшься?

– Хорошо, – согласился Рэйварго.

Полчаса спустя он уже ехал по окраине Тенве верхом на крепком буланом коньке, к седлу которого был приторочен небольшой тюк, туго обвязанный ремешками, завязанными так хитроумно, что вздумай посланник и в самом деле ограбить хозяина коня, ему пришлось бы перерезать ремешки ножом. Рэйварго обогнул вокзал и направил коня на шоссе, но буквально через пятьдесят шагов наткнулся на ограждение поперёк дороги. Рядом стояли двое полицейских, сообщивших ему, что дальше путь перекрыт на два километра, и ему придётся обогнуть этот участок по тропе, которая

ведёт через обступивший шоссе лес. Нахмурившись, Рэйварго повернул коня на указанную тропу и быстро поехал по мокрому, ароматному весеннему лесу. Тропа оказалось хорошей, проторённой. Сразу было видно – здесь часто ходят и ездят. По пути Рэйварго мысленно перебирал в голове всё, что знал о «Ликантропии».

За много веков об этой книге сложились десятки, сотни легенд. Говорили, что инквизиторы, не нашедшие последнюю копию книги, заранее прокляли того, кто её отыщет. Говорили, что тот, кто прочтёт «Ликантропию», сойдёт с ума; что прочитавший её человек станет вервольфом, а вервольф – человеком; что страницы этой книги сделаны из тщательно выделанной волчьей кожи, а писана книга волчьей же кровью; любители историй пострашнее утверждали, что страницы сделаны из человеческой кожи. Говорили, что последняя «Ликантропия» хранится в подземном лабиринте под монастырём в Инене; что её упрятали в железный ящик и спустили на дно океана; что против неё бессилён любой огонь, кроме драконьего; что загадочная смерть тонианской королевы Эрнейниль связана именно с тем, что эта любопытная женщина прочла «Ликантропию» и отдала за это свою жизнь. Много чего говорили и про её автора, Дропоса Анфа. В одной легенде он был аристократом, сменившим имя, в другой – обыкновенным бродягой; то говорили, что он победил самого кошмарного оборотня за всю историю – Улгмора, Кровавого Волка, убившего и обратившего около

миллиона человек; в других слухах Дропос представлял его ближайшим сподвижником. Кто-то говорил, что Дропоса сожгли инквизиторы на костре из его собственной книги и её копий, кто-то – что легендарный оборотень сгинул в дальних краях, кто-то – что его разорвали оборотни из стаи Улгмора, мстя за своего вожака. Говорили, что Дропос обрёл бессмертие. Говорили, что, кроме «Ликантропии», он написал ещё одну книгу, и описал там открывшиеся ему тайны мироздания. Были и такие, кто утверждал, что никакого Дропоса и не существовало, просто несколько людей подписались этим именем, написав «Ликантропию». А кое-кто считал, что вся эта история – просто мистификация, и не было никогда ни книги, ни автора.

Сейчас, когда Рэйварго ехал в Донирет, ощущая, как бесценная книга оттягивает ремешок сумки, он казался себе точкой, в которой сошлись все эти слухи, домыслы и легенды. Мысли, одна другой страннее и смелее, бродили в его голове. Он думал о том, какой фурор вызовет «Ликантропия», когда они с отцом её напечатают. Какие споры поднимутся в научных институтах, газетах, журналах! Как разнесётся эта весть по всему миру! Ведь «Ликантропия» уже легенда, этаким образом недостижимого знания, и её столько десятилетий ищут и ищут безумцы, еретики и романтики, а нашёл – он, обычный студент когда-то блистательного, а теперь захудалого института Ретаке! И где нашёл – в подвале дома сумасшедшего старика! А когда эту книгу примут всерьёз – как

изменится положение оборотней! Рэйварго сам не замечал, как радостная улыбка осветила его лицо, когда он подумал о том, как будут закрываться один за другим все эти мрачные ликантрозоории, где живые люди измываются над такими же живыми людьми, как много людей смогут вернуться к нормальной жизни, перестанут убегать в леса, скрываться, голодать! Сердце его колотилось в эти мгновения так гулко, и сильно, и быстро, как никогда даже в минуты самых сильных вспышек любви. Рэйварго был заражён обычной болезнью молодости – жаждой подвига.

Мечтая, он вёл коня по лесной тропке, и не замечал, как постепенно лес вокруг затихал. В самом начале пути было ещё слышно, как щёлкают своими клювами клесты, покрикивают сойки и изредка томно зовут друг друга кукушки. Но сейчас, когда Рэйварго вдруг очнулся от своих дум, он вдруг понял – все звуки кругом исчезли. Только падали мелкие капли воды с веток. Всё вокруг как будто вымерло. Конь явно беспокоился. Он дёргал ушками, то и дело нервно вертел головой. Сделав несколько шагов, он вдруг остановился, мелко дрожа и неуверенно переступая ногами.

– Что это с тобой? – проговорил Рэйварго, склоняясь и глядя крутую шею коня. Тут он вдруг заметил, что тот участок тропы, на котором они стоят сейчас, весь зарос низкой травой. Рэйварго мысленно наградил себя недобрый словом – замечтался и пропустил поворот! Теперь на старой, нехоженой тропе! Как бы не заблудиться!

Впереди вдруг что-то блеснуло. Рэйварго соскользнул с лошади, сделал несколько шагов вперёд и замер. Перед ним над тропинкой, пересекая её, протянулась туго натянутая леска. Рэйварго показалось, что он знает, кто соорудил эту ловушку.

– Пойдём-ка отсюда, – пробормотал он и подошёл к коню. Тот вдруг сильно вздрогнул и издал короткое жалобное ржание. Сразу после этого он попятился назад. Рэйварго так изумился, что в первые несколько секунд даже не велел коню стоять, как вдруг откуда-то слева, из-за зарослей, послышался далёкий крик боли.

Юноша замер, крепко держа обеими руками поводья и затаив дыхание. Он вслушивался, не раздастся ли крик снова.

И он раздался. Теперь было ясно – кричал мужчина.

Рэйварго вскочил в седло и круто развернул лошадь в то сторону, где кричали, однако животное фыркало, вырывалось, норовило побежать обратно. В конце концов конь развернулся и поскакал по тропе туда, откуда они приехали. Рэйварго не мог с ним справиться. Только в один момент он вдруг заметил: дорога впереди снова приняла хоженный вид. А на одном участке от неё влево, туда, откуда слышался крик, сворачивала ещё одна тропа. Не сомневаясь, Рэйварго резко натянул поводья и конь на всей скорости повернул туда.

Здесь ветки деревьев низко протянулись над дорогой, и, чтобы не лишиться глаз, Рэйварго пригнулся к шее коня.

А тот, видимо, ошалел от страха – оборотень был, вероятно, впереди, а конь бежал на него со всех ног.

Где-то слева сквозь зелёное кружево забрезжил свет, и спустя несколько секунд конь вырвался на поляну и взбежал на небольшой пригорок. Рэйварго увидел нечто непонятное. На поляне стояло трое мужчин, одетых в какие-то лохмотья. Один из них был огромного роста и на лице у него был кошмарный зашитый шрам, второй, тщедушный, прижимал окровавленные руки к животу, третий склонился ко второму. А спустя миг Рэйварго увидел лежащего на земле мальчишку-подростка со связанными руками. Мальчик и мужчины оторопело взглянули на него, Рэйварго не менее потрясённо уставился на них, и тут великан взмахнул рукой.

Левое плечо Рэйварго вдруг пронзила такая боль, что он вскрикнул и покачнулся. Несчастный конь с воплем поднялся на дыбы. Рэйварго попытался ухватиться за поводья, но рука его скользнула по воздуху, а потом всё перед глазами у него завертелось, и он понял, что лежит на земле, а конь убегает прочь. Повернув голову, Рэйварго охнул – в плече у него торчал нож.

Потом что-то сдавило его лоб и виски, и больше он уже ничего не помнил.

Рэйварго пришёл в себя оттого, что кто-то дышал ему на лицо. Открыв глаза, он ничего не увидел, кроме бледных, неясных очертаний чьего-то лица в темноте, и тут же тихо застонал от пронзившей плечо невыносимой боли.

– Живой! – раздался чей-то радостный голос совсем рядом с его лицом.

Чьи-то руки обхватили Рэйварго за плечи и попытались приподнять его, но Рэйварго сдавленным шёпотом попросил не трогать его – плечо болело так ужасно, что, казалось, ещё немного, и он снова потеряет сознание.

– Извини, – сказал человек. Голос у него был молодой, почти мальчишеский, но какой-то хрипловатый. – Я забыл. У тебя ещё не зажила рана... Ты же не оборотень.

– Оборотень? – пробормотал Рэйварго непонимающе, и вдруг встрепенулся и зашарил вокруг себя руками.

– Книга! Где книга?

– Какая книга?

– Которая была со мной! – в отчаянии воскликнул Рэйварго.

– Здесь нет никаких книг. Ты не в библиотеке, приятель, – мрачно откликнулся невидимый собеседник.

– О нет! Нет... Я её потерял, – простонал юноша.

Раздалось скептическое хмыканье.

– Тебе надо сейчас о собственной шкуре волноваться, а не о какой-то там книге, – заявил сосед, но Рэйварго не ответил. Тут парень смягчившимся голосом сказал:

– Если она была у тебя в сумке, значит, она где-то недалеко. Её тоже забрали.

– Кто забрал? – мрачно спросил Рэйварго.

– Оборотни. Мы сейчас находимся в их стане.

В этот момент на лицо говорившего попал луч света, и Рэйварго увидел перед собой очень странного человека. Судя по голосу и гладкой коже лица, он был очень юн, но в тёмных волосах была заметна седина, а синие, как васильки, глаза были усталыми и серьёзными, как у взрослого человека. Они как будто были старше лица лет на тридцать. Но в первую секунду не на них обратил внимание Рэйварго, а на длинный светлый шрам, тянущийся наискосок через смуглое лицо юноши. Он начинался на лбу, под волосами, пересекал переносицу и заканчивался на левой щеке.

– Меня зовут Октай, – представился паренёк. – А тебя?

– Рэйварго.

– Давно я уже не знакомился с человеком, – проговорил Октай.

– С человеком? – растерялся Рэйварго. – А ты, что ли, не человек?

Октай хмыкнул.

– Нет, разумеется. Я уже четыре года, как оборотень.

– Ах, вот оно что, – пробормотал Рэйварго, трогая осто-

рожно раненое плечо.

– Ты меня не боишься? – странным каким-то голосом спросил Октай. Как раз в этот момент Рэйварго прикоснулся к самой ране, и из глаз у него от боли брызнули слёзы.

– Чего мне тебя бояться! – сердито проговорил он. – До полнолуния у нас ещё далеко, если я, конечно, не провалялся тут без сознания целую неделю... Ох, как же больно! За что тебя сюда посадили?

– Я для них предатель, отступник, – медленно проговорил Октай. Рэйварго показалось, что голос его нового знакомого чуть потеплел. – Понимаешь, я не из их стаи, и вообще я ни в какой стае не состою. Я одиночка... почти.

– Не понимаю, – нахмурился Рэйварго. – Что из этого?

– Они – бандиты, – коротко сказал Октай, ткнув пальцем куда-то в пространство, очевидно, в сторону двери. – Живут особняком, слушаются только вожака – здесь это женщина, – он сердито скривился, – нападают на деревни, воруют, убивают, грабят – иначе ведь им не выжить. Охота такую стаю не прокормит. А я – вольный.

Удивлённый Рэйварго уже открыл было рот, чтоб поподробнее расспросить Октая, но тот вдруг напряжённо выпрямился:

– Слышишь?

Откуда-то сверху до них донёсся топот, а потом где-то наверху распахнулась дверь, и юноши разом зажмурились от яркого света. Рэйварго успел только разглядеть, что нахо-

дится у подножия деревянной короткой лестницы, которая, собственно, и ведёт к открывшейся двери, и несколько тёмных фигур, промелькнувших в пятне света. Рэйварго приподнялся было, но тут же на него сверху навалился кто-то огромный. Жёсткое широкое колено вжалось в его грудь, повалив его на землю, и чья-то рука грубо стиснула шею.

– Не дёргайся! – рявкнул нападавший. Затуманенными от боли глазами Рэйварго взгляделся в склонившееся над ним лицо и коротко, со свистом, вздохнул от ужаса: это был тот самый громила с зашитым лицом, который ранил его.

– Узнал? – прокряхтел оборотень. – А теперь лежи смиренно и не шевелись, пока я не скажу, что можешь вставать...

Он убрал колено от его груди и быстро перевернул Рэйварго на живот, а потом резко заломил раненую руку назад. Это было так больно, что на несколько секунд Рэйварго потерял сознание, а когда очнулся, похититель уже скрутил руки ему за спиной. Судя по короткому вскрику и звукам борьбы, то же самое сделали и с Октаем. Потом ребята подняли и выволокли наружу.

Рэйварго сощурился: бледный свет пасмурного раннего дня показался ему после темноты мучительно ярким.

– Шагай вперёд! – раздался за его спиной ставший уже знакомым голос. Огромная рука Шва (так Рэйварго окрестил его про себя, и не подозревая, что ни капельки не погрешил против истины) подтолкнула его в спину. Будь Рэйварго чуть более хлипкого сложения, он наверняка упал бы на колени,

но он лишь покачнулся и, быстро выпрямившись, зашагал, глядя по сторонам пока ещё часто моргавшими глазами.

Он сразу понял, что находится в деревне, но в деревне какой-то странной: все дома были тёмными от сырости, покосившимися, с провалившимися крышами и замшелыми наличниками окон – их давно следовало отремонтировать. Кое-где у дверей – на поросших одуванчиками ступеньках крылец или прямо на земле – сидели грязные, худые, очень плохо одетые люди – мужчины, женщины, дети, подростки. Возле некоторых домов были разведены костры, и женщины и девушки что-то варили или жарили на них. Из многих окон глядели бескровные мрачные лица, поросшие бородой или завешенные спутанными сальными волосами. Рэйварго поражался про себя тому, какие затравленные, дикие глаза у всех, с кем он сталкивался взглядами. В этих людях как будто почти не осталось человеческой крови. Это были наполовину дикие звери, существа безымянные, как те чудовища, в которых им предстояло превратиться через неделю. Оборотни мрачно или с любопытством глазели на пленников, а некоторые шли или бежали вперёд, туда, куда, как видно, вели Октя и Рэйварго.

Наконец их вывели на утопанное пространство между домами. Очевидно, это было что-то вроде площади. Позади неё возвышался старый, покосившийся дом с чердаком, который, однако, выглядел куда лучше, чем все остальные. Со всех сторон этот клочок земли уже обступили обитате-

ли деревушки. Там охранники резко остановились, и Октай и Рэйварго оказались лицом к лицу с двумя оборотнями, одетыми куда более хорошо и добротно, чем все остальные. Эти оборотни были мужчина и женщина. Мужчина выглядел совсем стариком, лицо его было в морщинах, тощая спина согнута, длинные нечёсанные патлы, свисающие из-под шляпы, настолько грязны, что невозможно определить их цвет. Женщина же, высокая, крепко сложенная, казалась мужественной и сильной, но лицо её было таким жестоким, даже зверским, что она невольно внушала ещё большее отвращение, чем тот, кто был рядом с ней. Рэйварго даже не сразу распознал, какого она пола, и чуть было не ахнул от удивления, уловив очертания груди под её замызганной курткой.

– Мы привели их, Морика, – сказал Шов, для верности ещё раз пихнув Рэйварго. Октай вдруг вздрогнул и его челюсти судорожно сжались.

– Вижу, – коротко, как отрезав, сказала женщина. Потом она ровным шагом подошла к пленникам, холодно окинула их взглядом. Она была выше Октая и ниже Рэйварго. Протянув руку, она короткими, хищными пальцами взяла Октая за подбородок и подняла его лицо вверх, почти без всякого выражения вглядываясь в него. Юноша резко мотнул головой, сбрасывая её руку. На его лице застыли вперемешку ненависть и отвращение. Морика презрительно глянула на него и вытерла ладонь о штаны. Рэйварго и сам почувствовал к ней дикую антипатию.

– Оборотень, – негромко проговорила она. Октай ответил ещё более дерзким взглядом. Рэйварго мрачно подумал, что его новому знакомому, вероятно, просто надоело жить на свете.

– Как его зовут? – выдавил вдруг седой оборотень в шляпе. – Спроси, как его зовут!

– Помолчи, Щен, – коротко сказала ему женщина и обернулась к Рэйварго. Его как будто обдало холодом из её глаз. Морика оценивающе поглядела на могучие плечи молодого человека, его широкую грудь, сильные ноги и сдержанно молвила, обращаясь к охранникам:

– Неплохая работа.

Те прямо-таки расцвели. Морика тем временем вновь обернулась к Рэйварго:

– Что у тебя в кармане? – спросила она. Рэйварго ожидал какого угодно вопроса, но не этого.

– В каком кармане? – растерялся он.

Морика указала взглядом на правый карман его брюк. Рэйварго опустил голову. Карман еле заметно оттопыривался.

– Не помню, – честно сказал Рэйварго. – Вытащите и посмотрите.

– Длиннота уже пытался, – злобно ответила Морика, – и вот посмотри, что с ним стало. Кожа слезла.

Она махнула рукой куда-то вправо, и юноши разом, как по команде, повернули туда головы. Справа от Морики,

от них слева, стоял высокий и тощий оборотень с длинным лицом и водянистыми глазами, в котором Рэйварго сразу узнал одного из тех, которые напали на него сегодня – или уже вчера? Кончики пальцев его правой руки были красными, как сырое мясо. Через секунду до Рэйварго дошло. у Длинноты на самом деле *кожа слезла*.

– Вот чёрт, – пробормотал Рэйварго.

– Сейчас тебе развяжут руки, и ты сам покажешь нам, что у тебя в кармане, – спокойно заявила Морика. – Только без глупостей! Попробуешь сбежать – я... – Морика слегка призадумалась, подбирая для Рэйварго подходящую кару. – Для начала выколю тебе глаза.

Октай еле слышно скрипнул зубами.

– Спроси, как его зовут! – в голосе седого оборотня со странным именем Щен послышались капризные, беспомощные нотки ребёнка, у которого перед носом размахивают игрушкой, не давая её ему в руки.

Тем временем охранники освобождали Рэйварго, а тот пытался вспомнить, что же у него в кармане? Под взглядами всех присутствующих он запустил правую руку в карман, на миг замер, ожидая боли, а потом дотронулся пальцами до непонятого предмета. Боли не последовало. Предмет был гладкий и прохладный. Тут Рэйварго вспомнил: в этот карман он вчера сунул каменного слоника.

Сжав статуэтку в кулаке, он вынул руку из кармана, протянул её вперёд и раскрыл ладонь. В полном молчании обо-

ротни изумлённо взирали на руку Рэйварго, чистую, здоровую, и на чёрного слоника на ней.

Вздых, словно лёгкий порыв ветра, пролетел по рядам оборотней.

– Так ты колдун, – проговорила Морика. Лицо её еле заметно побледнело. Пожав плечами, Рэйварго убрал статуэтку в карман. Стоявшие вокруг него оборотни, в том числе и Октай, проводили её глазами. Инстинктивно все они чувствовали, что в этом несчастном куске камня для них заключена опасность, но любой скорее дал бы отрубить себе руку, чем попытаться отнять его.

– Этот камень заколдован? – резко спросила начальница.

– Не знаю, – сказал Рэйварго.

– Где ты его взял?

– Нашёл вместе с книгой, которую у меня отобрали, – ответил юноша, решив по возможности меньше лгать.

– Щен, принеси мне книгу, – велела Морика.

– Спроси, как его зовут, и я принесу, – упрямо отозвался Щен. Страшное лицо Морики исказилось гневом, жутким в своей внезапности. Она быстро глянула в сторону одного из стоявших неподалёку оборотней, красивого, плечистого темноволосого мужчины, чью поистине королевскую осанку не скрывали наброшенные на плечи грязные лохмотья. Оборотень коротко кивнул, и, схватив Щена одной рукой за костлявое плечо, другую, сжатую в кулак, отвёл назад:

– Принеси вожаку книгу, старик, или...

– Скажи имя! – заверещал Щен, трясясь, как в лихорадке. Из его рта текла пенящаяся слюна, в блёклых глазёнках, впившихся в лицо Рэйварго, причудливо и страшно перемешались мольба, усталость и какая-то иррациональная жадность. Красивый оборотень вдруг сделал неуловимое движение, и голова старика мотнулась в сторону от удара в ухо. Шляпа слетела с неё, открыв бледную беззащитную лысину. Щен, казалось, не почувствовал удара – он всё так же продолжал вопить:

– Скажи своё имя, скажи своё имя, скажи-и-и!..

Морика стояла, выпрямившись и прикрыв глаза, на лице её читалось что-то вроде стыда – не за себя, а за Щена. Красивый оборотень снова размахнулся.

– Не бейте его! – взмолился Рэйварго. – Вы его сильнее, чёрт возьми!.. Он же старик!

Красивый оборотень обжёг его злым и презрительным взглядом.

– Как тебя зовут? – хрюкнул Щен. – Скажи, как?

– Рэйварго, – быстро сказал молодой человек. – Меня зовут Рэйварго, эээ... господин.

Кое-кто прыснул от смеха. Огромный оборотень с зашитым лицом заржал.

– Господин!.. Господин, это ж надо, а? – захихикал кто-то за спиной Рэйварго. Через несколько секунд смех охватил уже почти всех окружающих. Щен же, которого красивый оборотень, повинувшись короткому взгляду Морики, нехо-

тя отпустил, стоял неподвижно, чуть склонив голову набок. По его лицу было видно, что в его голове идёт какая-то чрезвычайно сложная и важная мыслительная работа, в пустых глазках появилось выражение надежды, смешанной с отчаянием. Помимо воли Рэйварго, охваченный жалостью, гадливостью и страхом, не мог оторвать глаз от этого лица.

– Заткнитесь все! – вдруг громко сказала Морики. Не выкрикнула, а просто громко сказала. Смех тут же стих, как будто его отрезали. Воцарилась тишина, нарушаемая лишь гудением ветра в верхушках деревьев.

– Рэйварго... – пробормотал Щен. Он ещё раз повторил это имя, медленно, словно пробуя на вкус каждую букву: – Рэй-вар-го... Рэйварго.

– Да, – тихо сказал Рэйварго. – Всё правильно.

– Неправильно, неправильно! – взвизгнул вдруг оборотень и, сделав огромный шаг, оказался вплотную рядом с Рэйварго. Юноша отшатнулся от неожиданности, а Щен завизжал, чуть только не брызжа слюной ему в лицо:

– Не Рэйварго! Нет! Не Рэйварго! Всё – всё – неправильно! Всё!

Окончательно растерявшийся Рэйварго совершенно не знал, что сказать. Помощь пришла неожиданно – со стороны Морики.

– Убедился? – спросила она сквозь зубы, схватив цепкой рукой Щена за плечо и оттащив его от Рэйварго. – Убедился, старый пень? Я так и знала, что это не подойдёт... Неси

книгу!

Щен покорно повернулся и направился в сарай. При этом он беззаботно мурлыкал себе под нос какую-то песенку. Рэйварго совершенно перестал что-либо понимать.

Через полминуты Щен вернулся, и Рэйварго охватили одновременно радость и гнев: Щен нёс «Ликантропию», но как нёс! В одной руке, кстати, довольно грязной, без всякой бережливости! Да как бедняжка до сих пор на куски не развалилась!

Оборотень протянул книгу Морике, та, опять-таки без всякого намёка на почтительность, взяла её и обернулась к Рэйварго.

– Здесь всё написано на непонятном языке, – сказала она. – Это заклинания?

Говоря это, она открыла «Ликантропию» и грязными, заскорузлыми пальцами принялась грубо листать её. Этого Рэйварго уже не выдержал.

– Осторожнее! – прорычал он, дрожа от ярости. – Это же сокровище, а не дневник с двойками!

Морика, никогда не ходившая в школу, имела весьма смутное представление о том, что такое «дневник с двойками», но тона, каким это было сказано, было достаточно. Не в правилах вервольфини было сносить подобную грубость, и лишь слово «сокровище», уцепившееся за её жадную душу, спасло Рэйварго от немедленной расправы.

– Сокровище? – переспросила она, приподняв книгу по-

выше. – Так она дорого стоит?

– «Дорого стоит»! – передразнил её Рэйварго совершенно не свойственным ему наглым голосом. – Да, чёрт возьми, дорого! Очень дорого!

– Сотен пять-шесть? – вклинился в разговор Щен. Глазки у него заблестели алчностью, и от этого он стал ещё противнее.

– Скажите лучше – миллионов пять-шесть, – заявил Рэйварго, в глубине души считавший даже такую цену слишком маленькой.

Это произвело впечатление. Большинство оборотней начали переглядываться, шептаться, кто-то, сочувственно глядя на Рэйварго, качал головой – мол, совсем парень спятил от страха. А Морики и те, кто сгрудился за её спиной, недоверчиво хмурились.

– Ты врёшь, – заявила она, надменно приподняв голову. – Какая-то старая книга стоит так дорого? Да этого не может быть!

Говоря так, она резко захлопнула книгу и небрежно бросила её на землю. В следующую секунду Рэйварго обнаружил, что вырывается из рук схвативших его охранников, рыча от гнева. Те несколько мгновений, в которые он бросился на Морику, не сохранились в его памяти. Один из конвоиров с силой ударил его в грудь, попав, судя по резкой боли и тому, как ему перехватило дыхание, прямо в солнечное сплетение. Задыхаясь от боли, Рэйварго согнулся. На глазах его

выступили слёзы: его телу был необходим воздух, но вдохнуть он не мог.

– Слушай, ты, – вдруг заговорил Октай. Моририка медленно повернулась к нему.

– Когда мы с ним ещё сидели в том подвале, – продолжал юноша, глядя вервольфине прямо в глаза, – он об этой книге беспокоился больше, чем о себе. Так что стоит ему поверить.

Моририка ничего не ответила. Трудно было по её лицу угадать, что она думает. Она повернулась к Рэйварго и резко мотнула головой. Оборотни тут же выпустили молодого человека, и он медленно выпрямился.

– Так что это за книга? – рявкнула Моририка.

– Летопись, – с трудом произнёс Рэйварго. – Очень древняя.

– А почему её никто не может прочитать?

– Она на старобернийском. Этому языку надо специально учиться.

– И ты его знаешь? – сказала Моририка таким голосом, будто говорила: «Что бы ты ни сказал, я всё равно не поверю».

– Да, – скромно ответил Рэйварго.

– Ну-ка, посмотрим, – Моририка кивнула на книгу. Рэйварго наклонился и с трепетом поднял «Ликантропию».

– Всё хорошо, девочка, я тебя подлечу, – прошептал он.

– Чего ты там говоришь?

– Говорю, что с ней надо поосторожнее, а то она испортится. Вы же видите, в каком она состоянии!

– Ты давай читай, – спокойно сказала Мори́ка. – Зубы-то не заговаривай.

Рэ́йварго осторожно открыл книгу и, глубоко вздохнув, стал, глядя в книгу, громко рассказывать начало «Истории рода Певлион», которое, реставрируя несколько месяцев назад страницу, поневоле выучил наизусть:

– Сия повесть начинается от того времени, когда орвары и архерны вели свои войны за Клыкастые Горы, а гарки и веделы с островов, прозванных потом Ярглонией, напали на северное побережье великого Конхаринского королевства. В те годы все земли от Слуаны на западе до Уннары на востоке пустовали, а чужеземцы из Арпианских земель ещё не поселились в тех землях, что ныне зовутся Грондией. Великий город Артентал тогда ещё не был заложен, а Риндар был совсем мал...

– Какая-то белиберда, – скривилась Мори́ка. Рэ́йварго не стал с ней спорить – такие аргументы, как «ценный исторический источник», на неё не действуют. Мори́ка обернулась к красивому оборотню и велела ему:

– Мордрей, забери у него книгу.

«Нет!» – чуть было не закричал Рэ́йварго, но у него хватило ума сдержаться. Мордрей выдернул книгу у него из рук, смерив его при этом кипящим злобой взглядом. Рэ́йварго посмотрел на него не менее яростно. Мори́ка тут же предупредила его:

– Учти: если мне не нравится, как кто-то смотрит, его гла-

за скоро стекут по щекам. На первый раз я тебе прощу, но ты хорошенько запомни. – Затем она снова обратилась ко Шву:

– Отведи человека обратно в подвал и запири там.

– А его? – спросил другой конвоир, кивнув на Октая.

– Его – в мой дом. Исполняйте.

Рэйварго и Октай едва успели обменяться взглядами, потом их растащили в разные стороны. По дороге назад у Рэйварго мелькнула мысль убежать – руки у него были свободны, а бегать он явно умел быстрее Шва, и вряд ли кто-то из этих унылых оборотней смог бы его задержать – но потом он вспомнил о своём раненом плече, о том, что совершенно не знает, где он сейчас, о «Ликантропии» и об Октае, и эта мысль тут же сдулась. Но Шов, очевидно, что-то всё-таки понял – уже на пороге полуразвалившейся землянки он больно сжал раненое плечо Рэйварго, так что парень еле сдержал крик, притянул его к себе и тихо прорычал ему на ухо:

– Учти: атаманша очень зла на твоего приятеля за то, что он сделал с Родди. И если ты попробуешь сбежать, она вырвет ему глаза или ногти. А когда тебя приволокут обратно, велит сделать то же самое с тобой. Наверное, я сам это и сделаю. Ты понял?

Рэйварго никак не мог понять, чем же он так сильно не понравился Шву.

– Понял, – сквозь зубы произнёс он. Шов удовлетворённо кивнул.

– Вот и хорошо. А теперь, – он открыл дверь и резко толк-

нул Рэйварго, так что парень покатился вниз по лестнице, – теперь сиди здесь и помалкивай.

Он захлопнул дверь, и Рэйварго оказался в крошечной темноте, один на один с ужасной болью в проткнутом ножом Шва плече и ушибленных рёбрах, затхлым гнилым воздухом и возможностью прокрутить в голове все возможные сценарии будущих приключений, каждый из которых был мрачнее предыдущего и, как выяснилось позднее, не имел ничего общего с реальностью.

6

За последние месяцы душевное здоровье Щена, на протяжении восемнадцати лет бывшее, мягко говоря, нестабильным, рухнуло окончательно. До этого у него случались проблиски сознания, но в начале зимы они прекратились полностью. Восемнадцать лет, с того самого дня, как Лантадик Нерел разбил ему голову прикладом своей охотничьей двустволки, Щен балансировал на краю пропасти, имя которой – безумие, и наконец сорвался в неё. В его гнилой голове появилась новая навязчивая идея – он возжелал вспомнить своё имя, от которого отказался давным-давно, приняв кличку, по которой его сейчас все и знали. Часами он сидел, глядя в никуда, пуская слюни или пожёвывая собственные губы, на которых от этого уже образовалась оранжевая корка от засохшей крови и гноя – ранки воспалялись от того, что в них попадала гниль из зубов Щена, – и бормотал десятки, сотни имён, некоторые из которых просто не существовали. Морица, которой приходилось часто слышать этот бред, мрачно думала о том, что Щен, возможно, уже тысячу раз произнёс своё первое имя, но никак не может успокоиться потому, что просто-напросто не может этого понять.

Многие оборотни недоумевали, почему Щена держат в стае, несмотря на его раньше периодическое, а теперь уже установившееся безумие. Но Кривой Коготь и Морица цени-

ли старого оборотня (которому едва исполнилось тридцать девять лет) за ту его черту, которая была чрезвычайно важна в этом обществе – а именно невероятную, переходящую в болезненную, жестокость к чужакам.

Морика была его женой с тех пор, как ей исполнилось пятнадцать лет, а Щену – шестнадцать. Спустя четыре года Лантадик Нерел и его люди уничтожили стаю Кривого когтя – в живых остались всего восемь оборотней, включая самого вожака. В тюрьме Морику били так, что в один миг она закричала от резкой обжигающей боли внизу живота, а по её ногам побежали потоки крови. Так она узнала, что была беременна. Её товарка Эрка говорила потом, что кровь залила весь пол в камере для допросов, но Морика не слишком-то ей верила – она знала, сколько в человеке бывает крови, и если бы Эрка говорила правду, Морика бы не выжила. После того случая она оправилась и даже родила Щену ещё четверых детей – правда, все они умерли в первое полнолуние. А вот Щен после того, что с ним сделали, уже никогда не был таким, как прежде.

Морика никогда не любила Щена в том смысле, какой обычно вкладывают в это слово. Скорее, она ничего против него не имела. Он покорила её не с помощью букетов и нежных слов, а просто повалив как-то ночью под дерево, и то, что она не расцарапала ему лицо и не врезала коленом в чувствительное место, означало, что он ей тоже понравился. Морика не любила Щена – она вообще никого не любила –

но с огромным удовольствием приняла участие в уничтожении трупа Лантадика Нерела, обрекшего её мужа на безумие. Она не любила Щена, она любила мстить.

По мере того, как влияние Щена падало, Морики начала подыскивать себе другого союзника, который в идеале должен был быть таким же сильным, преданным и смелым, каким был в свои лучшие годы Щен. Такому жестокому и вспыльчивому характеру, какой был у неё, требовался партнёр не менее жестокий, и она нашла его в молодом и красивом оборотне, несколько лет назад появившемся в стае.

Имени этого оборотня никто не знал. Точнее, никто не знал его первого имени, того, которое ему дали родители. Вскоре после *этой ночи* он, поняв, что к прежней жизни возврата нет, взял себе новое имя – Мордрей, что означало «Кровавый путь». Такое имя носил герой страшных легенд, жестокий король, съевший сердца своих братьев и обретший через это великую силу и великое проклятие, в конце концов погубившее его. У этого Мордрея во многом была схожая судьба – насчёт сердец было неизвестно, но двое его младших братьев точно не пережили его первое полнолуние, в отличие от него самого. Ещё один брат, самый старший, вернувшись утром с ночной работы, увидел их трупы. Он вывел юного оборотня, которому тогда не было ещё шестнадцати лет, во двор и, привязав его к козлам, на которых распиливались дрова, избил до потери сознания. Мордрей кричал и заливался слезами. Он кричал, что не понимал, что дела-

ет, что в то время как клыки зверя, в которого он превратился, рвали младших братьев на куски, сам он, стиснутый и сжатый где-то в закоулках сознания чудовища, мог лишь наблюдать за последними, самыми мучительными, минутами их жизней, и его сердце разрывалось от боли. Но старший не слушал. Он бил его до тех пор, пока Мордрей, которого тогда ещё так не называли, не впал в беспамятство, а очнулся он уже в машине, которая везла его в ликантрозорий.

Он провёл в ликантрозории десять лет. Десять лет, в то время как большинство из его товарищей по несчастью не протягивали и десяти месяцев. А когда ему исполнилось двадцать шесть, он сбежал. Каким образом ему удалось это проверить, он никогда не говорил, но спустя месяц после побега он пришёл в дом своего старшего брата, уже успевшего жениться и занять двух маленьких детей. Девочек.

Соседи клялись и божились, что ничего не слышали. Мордрей ушёл на рассвете, не таясь. Он прошёл через всю деревню, с его рук капала кровь, а губы застыли в улыбке, обнажающей зубы. Никто не попытался его задержать.

Когда соседи осмелились войти в дом его брата, одна из девочек, старшенькая, была ещё жива. Она умерла только через час, на руках у одной из деревенских женщин, и весь этот час шептала только одно: «Он сказал, что всё помнит... Он сказал, что всё помнит... он сказал, что всё помнит...»

Вскоре после этого он появился в стае Кривого Когтя, а ещё через несколько месяцев ушёл вместе с Моришкой

в Тенве, и двигало им нечто другое, чем преданность атаманше или желание отомстить людям.

Спустя час после допроса Рэйварго Мордрей пришёл в дом атаманши. Морики подняла голову и посмотрела на него долгим, пристальным взглядом, от которого три с половиной года назад у Веглао в ужасе замерло сердце. Мордрей не отвёл взгляда. В два широких шага он пересёк комнату и опустился на колени перед стулом Морики. Широкими ладонями он сдвинул её колени и, задрал голову, жадно раскрыл рот навстречу её склонившемуся лицу. Исцеловав, искусав друг другу губы, они оторвались друг от друга. От их раскрытых припухших ртов протянулась ниточка слюны.

За стеной раздавалось приглушённое бормотание Щена.

– Я обожаю тебя, – сказал Мордрей. Его ладони метнулись вверх, сжали землистое лицо Морики. Когда они вновь начали целоваться, она завела руку ему за голову и запустила пальцы в его жёсткие, спутанные волосы. Горячая и жёсткая рука Мордрея скользнула под воротник кофты Морики, погладила ключицу и поползла ниже. Вдруг Морики настойчиво отпихнула его от себя.

– Ты что? – не понял Мордрей.

– Потом, – коротко, бесстрастно бросила Морики. Будь она обычной бабёнкой, Мордрей бы разозлился на это «потом» и продемонстрировал бы ей, почему так разговаривать с ним не следует. Но она была вожаком, и он на самом деле обожал её.

Морика сидела молча, хмуря лоб. Мордрей устроился на полу у её ног, глядя на неё снизу вверх. Наконец вервольфиня негромко проговорила:

– Старика нужно найти.

– Его найдут, – заверил Мордрей. – Я сам могу этим заняться.

– Нет, – спокойно ответила Морика. – Ты слишком горяч, Мордрей. В бою это хорошо, но среди людей нужно быть незаметным, скользким и быстрым. Если ты или я займёмся стариком сами, это нас выдаст.

– Но ведь гонцы от Кривого Когтя передали приказ – мы должны напасть на город!

– Мы нападём на него в полнолуние, не раньше! Но до полнолуния ещё почти месяц, а за этот месяц старый козёл сумеет настучать кому угодно... Приведи Длинноту.

– Длинноту? Но ведь он ранен.

– Его рана – просто ерунда. Она не помешает ему придуть к старика за минуту. Хотя нет, не приводи его ко мне. Передай ему мой приказ, и всё. Пусть не забирает у него деньги, с него станется – когда мы захватим Тенве, денег будет полно.

Щен, сидевший за стеной, вдруг начал петь. Пел он какую-то глуповатую сентиментальную песенку тридцатилетней давности, которую, вероятно, слышал в дни своего детства, ещё до того, как Кривой Коготь обратил его и он потерял своё имя. Морика приподняла голову, вслушиваясь

в глупенькие слова, и на её лице вдруг проступило что-то, отдалённо напоминающее жалость. Мордрей же смотрел только на неё, и страсть в его лице придавала ему какое-то безумное выражение.

– Мне идти прямо сейчас, моя госпожа? – глубоким глухим голосом спросил он. Морики посмотрела на него и слегка усмехнулась:

– Успеется. Пока что послушай ещё кое-что. Когда Длиннота уйдёт, сходи к мальчишке-человеку.

– Зачем? И так понятно, что с ним делать.

– Что? – резко спросила Морики. Мордрей пожал плечами:

– Обратим его в полнолуние, а книгу просто сожжём.

Морики цепко глянула на него, трогая чёрным ногтём болячку в уголке рта:

– Он говорил, она дорого стоит.

– Моя госпожа, эта книга – всего лишь несколько кусков сухой кожи и пара деревяшек.

– Я не думаю, что парень врал, – покачала головой Морики. Она потянулась, закинув руки за голову, и её грудь, скрытая под курткой грубого сукна, слегка приподнялась. Мордрей смотрел на неё жадным взглядом. Не обращая никакого внимания на его взгляд, Морики нагнулась и вытащила из-под стола допотопный фанерный чемодан, обтянутый выцветшей тканью. Положив его на столешницу, она откинула его крышку, застёжка на которой давно сломалась. Чего

только там не было: куски старых тряпок, два свёрнутых пояса, пустой патронташ, жестяная расписная коробочка (обычно женщины хранят в таких коробочках нитки, иголки, булавки, клипсы, а Морика складывала туда бритвенные лезвия), гигантская катушка чёрных ниток, пара толстых шерстяных носков. Кроме всего этого, там лежал довольно объёмистый мешочек, в котором когда-то лежали сухари, украденные маленькой Морикой из буфета одной деревенской старухи, а теперь он был наполнен маленькими трофеями, которые вервольфиня любила забирать у своих жертв. Здесь, например, покоилась тонкая тесёмка, которой когда-то перевязывала волосы Веглао. На самом верху лежала завёрнутая в грязную тряпку «Ликантропия». Морика вытащила её и положила на стол. Старая книга, чья деревянная обложка в неверном, пляшущем свете очага выглядела таинственно и загадочно, казалась совершенно неуместной здесь, на грязном столе в чёрных обугленных пятнышках от сигарет.

– Что в ней может быть ценного? – презрительно хмыкнула Морика. – Не понимаю, на что она может стодиться, разве что мужики накрутят себе из неё сигарок.

– Я слышал о том, что старые книги могут продаваться за большие деньги, – отозвался Мордрей. – Давно, ещё когда был человеком. Но эта просто разваливается, и вдобавок, если тот громила не врёт, она написана на языке, который мало кто знает. Сомневаюсь, что за неё дадут хорошие деньги.

– Может быть, и дадут. Вот что, Мордрей: если он и в са-

мом деле так хорошо разбирается в книгах, пусть сделает так, чтоб эту писанину купили за хорошую цену. Поговори с ним, красавец. Поговори так, как ты умеешь.

С этими словами она лениво провела шершавой ладонью по небритой щеке Мордрея. Оборотень поймал её руку и несколько раз поцеловал её красные грубые пальцы. Морика снесла эту ласку со снисходительно-царственным видом, а потом спокойно отстранила любовника – но уже не так настойчиво, как в прошлый раз.

Дверь снова распахнулась, и Рэйварго поднялся на ноги. Он успел увидеть, как Шов толкает в спину Октая, а потом дверь захлопнулась. Рэйварго метнулся вперёд и подхватил молодого оборотня раньше, чем тот успел упасть на ступеньки. Сведя его вниз, он не без труда распутал тугой узел на его руках. Октай всё это время молчал, угрюмо сопя, а потом вдруг обернулся к двери и прорычал:

– Вот ведь сука!

– Вижу, ты её знаешь, – сказал Рэйварго.

– Знаю, – пробормотал Октай, растирая запястья и кивком головы благодаря Рэйварго. – Точнее, никогда лично не видел, но знаю про неё кое-что...

– Что у тебя с лицом? – в ужасе спросил Рэйварго. Брови Октая были здорово подпалены, кожа лица покраснела, а на лбу и правой скуле вздулись два пузыря размером с ноготь. Октай только махнул рукой:

– Скоро заживёт. Это пустяки по сравнению с тем, что эта сука сделала с моей подругой.

– А что она сделала?

– Выколола глаза и бросила в зимнем лесу умирать, – заметив выражение ужаса на лице Рэйварго, Октай мрачно усмехнулся. – Да, именно так. Но с Веглао не так-то просто справиться. Она выжила. И рассказала обо всём мне.

– Веглао – так зовут твою подружку? – переспросил Рэйварго.

– Да, – кивнул Октай. – Думаю, ты меня поймёшь. Я когда-то хотел, чтобы у меня была сестра. Думаю, она бы смогла стать моей сестрой.

– У меня есть сестра, – тихо сказал Рэйварго. – Она младше меня на два года. Так что я тебя понимаю.

– Младше на два года? А сколько тебе лет?

– Двадцать три.

– А мне – пятнадцать.

– Пятнадцать?!

– Да, а что?

– Но ты... ты выглядишь старше пятнадцати. Я в пятнадцать лет был ещё ребёнком. Я думал, тебе по меньшей мере восемнадцать или двадцать.

– Я оборотень, – тихо сказал Октай. – Меня укусили, когда мне было одиннадцать лет. И все эти четыре года я превращался. А превращаться очень больно. Наверное, поэтому я выгляжу старше.

Он замолчал. Рэйварго уселся на ступеньку и опустил голову на здоровую руку. Октай сел рядом и тихонько спросил:

– Так это правда? Насчёт книги? Она правда такая дорогая?

– Очень, – устало сказал Рэйварго. – Она бесценна. И я говорю не о деньгах. Она бесценна, потому что во всём мире больше нет ни одной такой книги. Всего их было пятна-

дцать, оригинал и четырнадцать копий. Двадцать лет спустя после того, как она была написана, инквизиторы объявили её колдовской. Её сожгли. Сожгли и все копии... кроме одной. Этой копии, – Рэйварго хлопнул ладонью по колену, как будто на нём лежала «Ликантропия».

– Инквизиторы? – лица Октая видно не было, но по голосу Рэйварго понял, что парень задумчиво нахмурился. – Я читал когда-то о них книжку. Ещё до *этой ночи*. «Тюрьма и гробница», так, кажется, она называлась. Судя по всему, они были редкими гадами, ещё похлеще охотников на оборотней. Но если, – голос его вдруг стал деловым и сосредоточенным, – если её должны были сжечь, как она смогла уцелеть? Как ты её нашёл?

Рэйварго начал рассказывать с того момента, как они с Гилмеем приехали в старый дом, но много сказать не успел – через несколько минут за их спинами с грохотом распахнулась дверь. Ребята вскочили на ноги одновременно. Светлый прямоугольник тут же загородили несколько высоких фигур, по лестнице загрохотали сапоги. Рэйварго отступил на шаг, думая, сможет ли драться. Но он не успел даже сжать кулаки – спустившийся по лестнице Шов грубо оттолкнул его в сторону, а кто-то другой наставил на него ружьё. Пришлось Рэйварго отступить к стене.

Он сразу узнал нескольких знакомых – Шва, пару оборотней, Мордрея. Последний держал в руке факел, явно не для освещения, ведь оборотни хорошо видят в темноте. При све-

те этого факела Рэйварго увидел, как двое оборотней крепко схватили Октая.

Приблизившись к юноше, Мордрей размахнулся и ударил его по лицу. Из обеих ноздрей паренька потекла вишнёвая кровь, но тот даже не охнул. Рэйварго пришёл в ярость. Забыв о своей ране, он набросился сзади на оборотня, стоявшего на пути между ним и Октаем, и попытался отпихнуть его, но его тут же отбросили обратно.

– Лучше не рыпайся, – прорычал ему Мордрей. – Твоя очередь ещё придёт.

– Не трогай его! – яростно крикнул Рэйварго. – Он ещё ребёнок!

Мордрей медленно обернулся и, держа факел перед собой, двинулся на Рэйварго. Юноша инстинктивно отступил на шаг и тут же упёрся спиной в стену. Потолок здесь был таким низким, что Рэйварго приходилось стоять, согнув плечи.

– А ты, – медленно, с ненавистью в голосе заговорил Мордрей, – ты лучше замолкни, гадёныш, и слушай меня. Мне плевать на то, что написано в этой рухляди, но я надеюсь, ты не врал насчёт её цены. Нам очень нужны деньги, человеческое отродье, и если выяснится, что книга гроша ломаного не стоит... – тут он поднёс факел так близко к склонённому лицу Рэйварго, что у того от дыма начали слезиться глаза. Кожей он ощутил невыносимый жар. – Если ты солгал, я сожгу к чертям твою и без того уродливую рожу. Ты понял

меня?

Рэйварго впери́л в него мрачный взгляд из-под бровей. В его чёрных глазах отражалось жёлтое пламя.

– Я тебя понял, – ровным холодным голосом сказал он. – А теперь ты послушай меня. Книга стоит *очень* дорого. Намного больше, чем моя жизнь. Мне плевать, что ты сделаешь со мной, – храбро соврал он, – но попробуй украсть книгу или причинить ей вред – и я засуну вот этот камень тебе в ухо. Или ещё куда-нибудь. – Он приподнял обсидианового слоника и насмешливо повертел его в пальцах. Мордрей метнул быстрый взгляд на фигурку, и Рэйварго с чувством злорадного удовлетворения увидел, как в его глазах промелькнул страх. Впрочем, он снова сменился нахальной злобой.

– Посмотрим, как ты это сделаешь, – презрительно отозвался Мордрей.

– А ты попробуй его у меня отобрать, – сощурился Рэйварго, который с тех пор, как ему развязали руки, чувствовал себя гораздо увереннее. – Кишка тонка, оборотень?

Мордрей молча отступил на шаг, держа спину прямо.

– Говоришь, тебе всё равно, что мы с тобой сделаем? – хмыкнул он. – Вот что, человек: тебе очень повезёт, если до следующего полнолуния ты хоть раз прогуляешься наверху. А в полнолуние мы запрём тебя здесь вместе с твоим приятелем.

Октай издал отчаянный стон, как будто слова Мордрея причинили ему сильную физическую боль. Рэйварго же по-

казалось, что земля под его ногами стала зыбкой и дрожащей. Он сжал зубы так крепко, что они скрипнули.

– Может, ты и выживешь, – продолжал Мордрей, явно наслаждаясь отчаянием молодых людей, – вот только тогда тебе будет уже не так-то просто размахивать этой игрушкой. А уж тогда я за тебя возьмусь как следует. Отпустите этого щенка!

Шов толкнул Октая в спину своей огромной ручищей. Юноша чуть не упал, но смог устоять, однако Шов тут же снова ударил его, на этот раз кулаком. Паренёк тяжело повалился на землю. Шов переступил через него и направился к выходу вслед за Мордреем.

Не дожидаясь, пока за ними закроется дверь, Рэйварго подошёл к Октаю и опустился рядом с ним на колени. Он помог юноше приподняться и с удивлением заметил, что глаза его наполнены слезами.

– Нет, – тихо сказал Октай.

– Что – нет? – не понял Рэйварго. Кулак Шва рассёк Октаю лоб, и из ранки лилась кровь. Её надо было чем-нибудь утереть, но ничего, похожего на платок, у Рэйварго не было. Он вытер руку о рубашку и осторожно пальцами утёр кровавую струйку.

– Нет, – прошептал Октай и отвернулся от него. – Я больше никогда никого не укушу...

Он отошёл в угол и постоял там немного, повернувшись к Рэйварго спиной. Потом молча улёгся на какое-то тряпье,

сваленное возле стены, и закрыл глаза.

Рэйварго долго думал, лёжа на куче тряпок, сквозь тонкий слой которых чувствовался холод земляного пола. Думал о том, сколько времени прошло с того утра, когда он покинул дом Гилмея и опрометчиво направился через незнакомый лес. Он даже не смог бы сказать, сколько времени провёл без сознания – несколько часов или целые сутки, но всё-таки склонялся к первому варианту. Уже очень долго он ничего не ел и не пил, но сейчас положение было столь серьёзным, что думать о еде было просто некогда. Рэйварго понимал, что по крайней мере с голоду ему и Октаю умереть не дадут.

В голову лезла масса мыслей, полных тревоги и отчаяния. До полнолуния ещё долго, без малого месяц, но ведь рано или поздно этот месяц пройдёт. Как ему вырваться отсюда? Рэйварго представил себе, как он сидит в этом холодном подвале день за днём, как его глаза становятся сверхчувствительными к свету, как глаза летучей мыши, а кожа по цвету приближается к коже какого-нибудь любящего темноту гриба, а когда наступает полнолуние... По телу его пробежала дрожь. Он приподнялся на здоровой руке и взгляделся сквозь темноту в неясный силуэт спящего Октая. Представить то, как синие глаза становятся жёлтыми а сквозь смуглую кожу быстро пробивается грубая тёмная шерсть, в темноте оказалось очень легко – так же как и собственное растерзанное тело.

Рэйварго закусил губу. Его исчезновение не должно остаться незамеченным. Наверняка его будут искать. Но принесёт ли это какую-то пользу? В голове начали всплывать обрывки историй об участившихся исчезновениях людей, о пропажах целых отрядов полиции и егерей, посланных на поиски потерявшихся, об обугленных человеческих костях, наскоро засыпанных землёй и ветками – всё то, что он уже давно улавливал из радионовостей, криминальной хроники в газетах, вечерних разговоров в общежитии. Тогда он не то что бы был к этому совсем равнодушен, но всё это быстро забывалось за другими проблемами, казавшимися куда более важными: поиск старых книг для отцовского магазина, учёба, подготовка к экзаменам, светловолосая девушка в объятиях Марнея Гилорка... Сейчас же всё это вспомнилось с пугающей отчётливостью, и Рэйварго, охваченный холодным ужасом, понял: никто не сможет ему помочь, всё будет именно так, как он и представлял. Либо смерть, либо ужасная жизнь получеловека-полузверя. Что же ему делать, что делать?

«Не надо об этом думать, – уговаривал он себя. – Пока не надо. Подумаешь об этом потом, а пока тебе надо успокоиться, иначе сойдёшь с ума...» Стоило ему подумать о безумии – и в голове сразу возник образ отца, бледного, отрешённого, с горестно сжатыми губами и пустыми глазами. Таким он стал после смерти матери. Это жуткое пустое выражение и сейчас иногда появляется у него во взгляде, когда он

вспоминает о ней – как страшно Рэйварго становилось всегда от этого!.. А каково ему будет после потери ещё и сына? Переживёт ли он это? Не сойдёт ли с ума? А сестра? Ведь у неё совсем недавно родился ребёнок...

Он не запомнил, как уснул.

– Попробуешь бежать, – пожалеешь, что вообще сунулся к нам, – насмешливо сообщил Длиннота, оборачиваясь назад.

Рэйварго поправил лямку сумки. Она немного оттягивала плечо, но эта тяжесть была невыразимо приятной – в сумке лежала «Ликантропия». Книгу ему отдали только этим утром, он не успел даже толком осмотреть её – но всё же она была у него. Мысленно он послал Длинноту куда подальше. «Сунулся», надо же! Можно подумать, он слёзно просил Шва продырявить ему плечо... Рана до сих пор болела. Прошла уже целая неделя с того дня, как она была нанесена. У оборотня за это время всё бы уже зажило, но Рэйварго по-прежнему мучился. Первые две ночи он почти не мог спать, и еле сдерживал стоны, кусая губы до крови – так ужасна была боль.

Погода сегодня выдалась хорошей – было довольно тепло, сухо, хотя и пасмурно. В воздухе чувствовался приятный запах леса. Свежий воздух пах гораздо приятнее оборотней, от которых несло застарелым потом, нечистотами и гнилыми зубами. Рэйварго догадывался, что и сам не благоухает. В очередной раз он напомнил себе, что ему ещё очень повезло – его могли не выпускать из подземелья ещё две-три недели, или вообще убить, сначала поиздевавшись. От этой

мысли он вздрогнул, руки непроизвольно сжались в кулаки – слишком ярким оказалось воспоминание о том, что произошло три дня назад.

Тогда в их с Октаем тюрьму ворвались несколько оборотней во главе со Швом и вытащили их наружу. В первую секунду Рэйварго чуть не умер от счастья – хотя на дворе стояла ночь, всё же от огня было довольно светло, а в лёгкие ворвался свежий воздух. Он радовался вплоть до того момента, когда Шов повалил его на землю и начал избивать своими тяжёлыми сапогами. Он бил его беспрерывно, так что Рэйварго не смог бы приподняться, даже если бы у него не были связаны руки. Это продолжалось до тех пор, пока до Рэйварго не донёсся крик Октая: «Оставьте его в покое, я всё скажу!» Шов ударил ещё раз, для верности, и Рэйварго провалился во тьму. Очнулся он в подвале и долго не мог пошевелиться. Через какое-то время внутрь втолкнули Октая, также избитого до бесчувственного состояния. Что такое они у него выспрашивали, Рэйварго не стал допытываться.

На следующий день их не трогали, и у Рэйварго была возможность пораскинуть мозгами. Ситуация была – хуже не придумаешь, однако выход из неё был. Нужно было хватать книгу и бежать. Вопрос только один: как это сделать? Он перебрал в уме множество вариантов, и каждый следующий казался ему ещё более дурацким и невыполнимым, чем предыдущий. Наконец он вернулся к тому плану, который пришёл ему в голову первым, хотя поначалу отмёл его. Ещё

раз прокрутив в голове всё, что должен говорить, Рэйварго дополз по ступенькам до двери (после вчерашних попыток ему было больно ходить) и барабанил в неё кулаками до тех пор, пока дверь не распахнулась и туда не ворвался кипящий от злости оборотень-сторож. Рэйварго в доступных выражениях объяснил ему, что хотел бы поговорить с атаманшей. Тот ничего не желал слушать, но Рэйварго так его достал, что тот разъярился и вытолкал его наружу, а потом повёл в дом Морики.

В это время все как раз ужинали, и при виде того, как возле домишек дымятся костры, а оборотни едят, обжигаясь, подгоревшее мясо и похлёбку, у Рэйварго, ничего не евшего уже больше суток, мучительно свело живот. Ничего: если его план удастся, возможно, их с Октаем сегодня хорошенько накормят.

Морика ужинала в своём доме вместе с Мордреем. Щен тоже торчал рядом. Было противно смотреть на то, как он ест суп, не убирая длинных волос, которые падали прямо в тарелку. Когда конвоир ввёл Рэйварго, Морика подняла голову и окинула парня холодным взглядом.

– То, что ты хочешь мне сказать, – медленно проговорила она, – должно быть очень важным, раз уж ты отвлёк меня от еды. Говори.

Рэйварго без предисловий завёл разговор о книге. Не дав ему даже закончить первую фразу, Морика сморщилась и махнула рукой в сторону фанерного чемодана:

– Твоя книга всё ещё здесь. Радуйся, что сейчас не зима, иначе она пошла бы на растопку. Уведи его, Грош.

Охранник схватил Рэйварго за плечо, но тот вырвался и шагнул навстречу Морики. Она и Мордрей быстро поднялись на ноги, и короткопалая, с чёрными ногтями рука атаманши легла на висевший у пояса нож.

– Я тебя предупреждала, человечек, – оскалилась она, – что мне не нравится, когда кто-то меня не слушается. Убейся.

– Я думал, что ты умнее, – сказал Рэйварго, отступая на шаг. Щен захихикал, из его рта фонтанчиком плеснул бульон. Морики быстро взглянула на него, потом перевела свои бурые глаза на Рэйварго.

– С чем тебе хочется расстаться сильнее, маленький: с глазами или с языком?

– С книгой, – ответил Рэйварго. – И тебе хочется избавиться от неё тоже, так?

– Говори по делу!

– Я всего лишь хочу помочь, Морики. Но ты сама отказываешься от моей помощи.

– Помощь? – сморщилась Морики. – С чего ты взял, что мне нужна помощь, да ещё и от тебя?

– Мне об этом сказал Мордрей, – пожал плечами Рэйварго. Мордрей вытаращил глаза, и это было так забавно, что Рэйварго чуть не рассмеялся от злорадства. Морики медленно повернулась к любовнику всем корпусом:

– Что? – негромко спросила она, и её голос резал, как заиндевевший клинок. Мордрей на секунду сжал челюсти, потом резко мотнул головой:

– Он всё врёт, моя госпожа! Я не мог такого сказать...

– Он сказал, что вам очень нужны деньги, – продолжил Рэйварго, не обращая никакого внимания на Мордрея. – И что если я соврал насчёт её цены, мне придётся плохо. Только я не врал.

Морика снова повернулась к нему. Её взгляд был полон злобного недоверия.

– Сколько? – выплюнула она.

– Миллион ном, – без раздумий ответил Рэйварго. – Не меньше миллиона ном.

– И где же нам дадут этот миллион ном? – прошипела Морика.

– В Публичной библиотеке города Ретаке, – без запинки ответил Рэйварго. Про себя он подумал, что не так уж и соврал – всё-таки библиотека этого города была очень богатой, богаче её разве что было книгохранилище в Риндаре, а за древние рукописи, даже не такие уникальные, как «Ликантропия», там выплачивали сотни тысяч ном. По глазам Морики он с торжеством увидел, что частичка его уверенности передалась и ей.

– Вон, – велела Морика, оглядевшись по сторонам, – все вон.

– Моя госпожа, – начал Мордрей, но вервольфиня только

взглянула на него, и он тут же замолчал. Когда все трое – Мордрей, Щен и Грош – вышли наружу, Рэйварго внутренне напрягся. Впереди была самая сложная часть плана. Просто договориться о том, чтобы отправиться продавать книгу, было мало – Рэйварго считал своим долгом убедить Морику в том, что Октяя тоже нужно взять с собой. Вдвоём им будет легче убежать, а бросить Октяя здесь после всего, что он пережили вместе, будет просто-напросто подлостью.

Разговор был долгим и утомительным – но, как вскоре с удовольствием убедился Рэйварго, для Морики он был даже более утомительным, чем для него. Рэйварго не раз приходилось уговаривать других людей сделать то, что было нужно ему. Правда, в этот раз вопрос касался не записи в зачётке и не продажи какой-нибудь завалившейся на прилавке книги. И в конце концов, путём хитростей, умалчиваний, туманных обещаний, увёрток он её уговорил. Когда его вернули в подвал и он тихонько рассказал обо всём Октаю, тот ответил ему непонятым взглядом, будто бы не ожидал от Рэйварго такого.

Следующие два дня их с Октаем больше не морили голодом, понимая, что им надо подкрепиться перед походом. Это было хорошо – наконец-то Рэйварго почувствовал себя таким же сильным, как и раньше. Ему было страшно, но в то же время он ощущал какое-то воинственное ожидание: так или иначе всё это закончится. Если же побег не удастся, он твёрдо решил вырвать у одного из преследователей оружие и по-

кончить с собой. Октай, напротив, выглядел подавленным и задумчивым.

Наконец однажды, пасмурным прохладным утром, группа вышла в путь. Морика пошла сама, захватив с собой Мордрея, Шва и Длинноту. Кроме того, за ними увязался Щен, которому никто не обрадовался, но и не стали уговаривать, чтоб остался на месте – что возьмёшь с сумасшедшего? Всего в отряде было двенадцать оборотней вместе с Октаем, и один пока ещё человек. Примерно такое же количество мужчин Морика оставила охранять стаю. Заместителем на время её отсутствия был оставлен незнакомый Рэйварго вервольф по прозвищу Желна. Молодой человек подозревал, что знает, почему атаманша не оставила вместо себя Мордрея: он был моложе, сильнее и умнее Щена, и вдобавок был наиболее предан волчице. Он ей нужен как телохранитель, а может, и как любовник. Уже в первый день пути Рэйварго понял: девятеро мужчин-оборотней, идущих вместе с ними, и вполонину не так опасны, как Мордрей, даже громила Шов. По молодому оборотню сразу видно, что он силён, быстр и жесток, а ещё – что он, если понадобится, без раздумий отдаст за Морику свою жизнь. Короче говоря, шансы Рэйварго вырваться самому и спасти Октаю были крошечными. У него даже нет никакого оружия, кроме, разве что, слоника. Он знал, что у врагов была ещё одна причина мучить его: они хотели заставить его выбросить обсидиан, к которому сами не смогли бы притронуться. Но Рэйварго

так и не сделал этого, и за это получил несколько шрамов и множество синяков.

Они шли полдня, потом сделали небольшой привал. Во второй половине дня с запада напоззли тяжёлые дождевые тучи, а воздух, утром бывший прохладным и свежим, сильно потеплел. Не было ни ветерка, на путников навалилась духота. Похоже было, что скоро начнётся гроза – первая в этом году.

Около четырёх часов Щен вдруг остановился на месте. Морика заметила это и спросила, что с ним, но тот промолчал, напряжённо глядя в небо. Ничего не добившись от него, Морика раздражённо обернулась к остальным и уже открыла рот, чтобы велеть идти дальше.

И тут до них донёсся издалека громкий, протяжный вопль.

Рэйварго почувствовал, как сердце его на секунду остановилось. Придя в себя, он быстро огляделся и увидел, что оборотни тоже оглядываются, а на их лицах написан свирепый испуг. «Это кричал не человек, – понял Рэйварго. – Крик человека так бы их не напугал». В этот момент в поле его зрения попал Октай, и Рэйварго с изумлением увидел, что лицо молодого оборотня абсолютно спокойно. Он, правда, слегка вздрогнул, но явно не от страха, а не от неожиданности. Октай заметил его взгляд и тут же изумил Рэйварго ещё больше: он повернулся к нему, слегка улыбнулся и подмигнул.

«Ты знаешь, кто это, – подумал Рэйварго. Октай поднял

голову и посмотрел в небо. Крик повторился, и юноша широко улыбнулся.

– Кто это? – яростным от страха голосом крикнул Мордрей.

– Ясно кто, – злорадно пробормотал Октай. Он развернулся к Рэйварго и посмотрел на него, потом быстро стрельнул глазами в сторону купы тёмных деревьев недалеко от тропинки. Рэйварго еле заметно кивнул и тихонько отступил на шаг. Оборотни не заметили этого – они всё ещё пялились в небо. Рэйварго подкрался к деревьям и посмотрел на Октая, думая, что тот сейчас подойдёт к нему, но тот не двигался с места. Но в следующую секунду Рэйварго уже забыл о нём – крик повторился, и его сразу подхватил кто-то ещё.

Из-за крон сосен в пасмурном темнеющем небе вдруг показались два огромных силуэта каких-то невиданных птиц... если только бывают птицы с четырьмя лапами и звериными хвостами. Грифоны! Рэйварго был так потрясён, что ухватился рукою за ствол дерева. Никто не обратил на него внимания – все оборотни потрясённо замерли, задрав головы, разинув рты и широко открыв глаза.

А в это время грифоны, сделав огромный круг над поляной, опустились на землю. Один был огромный, размером с вертолёт, похожий на нечто среднее между медведем и рысью, только ещё с толстым клювом и огромными оперенными крыльями. Второй был размером с лошадь, похожий на худого льва с головой, шеей и крыльями грифа. С его спи-

ны соскочила девушка с длинными волосами серого цвета. Её бледное лицо было перекошено от ярости, а глаза сверкали.

– Таркес, Бирлюс! Бейте их! – яростно крикнула девушка, но грифоны явно не нуждались в указаниях – их глаза сверкали звериной яростью, из клювов раздавались жуткие злые вопли – не то птичьи, не то звериные. Они помчались на оборотней, хлопая крыльями и щёлкая клювами. Рэйварго только сейчас понял, что он не видит Октая.

При виде грифонов оборотни замерли от неожиданности. Рэйварго готов был дать голову на отсечение, что каждый из них подумал о бегстве. Но тут Морики – что ни говори, в храбрости ей было не отказать – выхватила нож и закричала:

– В бой! Убейте этих куриц!

Она первая побежала навстречу грифонам, которые уже оставили девушку далеко позади. За ней побежал Мордрей, размахивая своим длинным ножом и громко крича. Остальные девятеро тут же бросились следом, как будто крик Морики вывел их из оцепенения. Один из них вырвался вперёд, обогнав Морику, и бросился на небольшого грифона, явно намереваясь вонзить нож в его брюхо, но тот резко нагнул голову и схватил его за левую руку своим длинным клювом. Разогнув шею, он вздёрнул оборотня в воздух, и тот дико закричал – его рука была сломана. Грифон отшвырнул его в сторону, и он снова завопил, когда мощные лапы второго

зверя разом опустили на его грудь, раздавив её. Рэйварго почувствовал, как волосы у него на голове шевельнулись от ужаса – он ещё никогда не видел, как кого-нибудь убивают. Но оборотням, видно, было к этому не привыкать – гибель товарища больше разозлила их, чем испугала. Крича от ярости, они всей гурьбой накинулись на двух грифонов. Рэйварго понял, что сейчас у него появился шанс спастись, но он и пошевелиться не мог от потрясения – не каждый день увидишь такую жуткую свалку. Наконец он увидел Октяя – тот бежал к девушке, огибая дерущихся. Рэйварго побежал к нему, но тут же споткнулся обо что-то и растянулся на траве. Приподнявшись, он понял, что ему подставили подножку – и сделал это не кто иной, как Щен. Старый оборотень стоял, прислонившись к стволу распускающейся лиственницы, и безумно улыбался.

Рэйварго ничего не успел понять, как Щен молча – и это было самое страшное – накинулся на него. Рэйварго отбросил его от себя одним ударом, но он не успел даже вскочить – Щен выхватил свой длинный нож и вновь бросился на него. Его глаза сверкали бешенством и весельем, но бледное, в рытвинах, лицо оставалось таким же отрешённым и неподвижным. Нож полоснул Рэйварго наискось по груди, и только потому не убил, что Рэйварго успел остановить руку Щена. Лезвие глубоко распороло кожу над ключицей, и Рэйварго вскрикнул от боли и ярости. Обсидиановый слоник, скользкий и холодный, словно сам собой образовался

в его руке. Сам не соображая, что делает, движимый лишь инстинктом самосохранения, Рэйварго с новым глухим криком прижал слоника к лицу Щена, прямо к его лбу.

Щен мгновенно выронил нож. Он заорал так громко, что на несколько секунд Рэйварго оглох. Он заворуженно глядел на то, как глаза Щена, вылезая из орбит, одновременно скопились к той точке на лбу, к которой был прижат маленький чёрный слон, как дрожат его покрытые рыжей гнойно-красной корочкой губы вокруг распяленного рта, как его, Рэйварго, собственная рука всё глубже вдавливают слоника в лоб Щена.

Кожу оборотня разъело почти сразу – она сплавилась, свернулась окровавленными комочками вместе с плотью, и расплзлась кровавым облаком под ладонью Рэйварго, а потом его пальцы просто *продавили* покорно раздавшауюсь лобную кость и ворвались во влажную, губчатую субстанцию мозга... Кровь капала на лицо Рэйварго, текла по его руке, покрывая кисть и запястье красной плёнкой, заливаясь в рукав вишнёвыми ручейками... Рэйварго вдруг понял, что кричит уже он сам, а Щен давно замолк, и только его рот всё ещё разинут, а глаза скошены ко лбу. Юноша отпихнул его от себя и бросился в сторону, всё ещё сжимая в правой руке скользкого слоника, теперь покрытого горячей кровью. Далеко Рэйварго не отбежал – почти теряя сознание от ужаса, он схватился за ствол дерева и прижался к нему, закрыв глаза. Он тут же заставил себя вновь открыть глаза – пора

смагиваться, убийство Щена ему точно не пройдёт даром. Но один лишь взгляд в сторону дерущихся сказал ему: пока что никому нет дела ни до него, ни до Щена.

Большой грифон, ревя по-медвежьи, бил противников огромными крыльями и широкими лапами, а его кошмарный клюв то и дело опускался и поднимался, забрызганный кровью. Один из вервольфов забрался на спину другого зверя, с голой шеей, и уже собирался всадить нож грифону между лопаток, как вдруг с воплем скатился на землю – в плече у него торчал нож. В ту же секунду маленький грифон, который уже несколько раз был ранен и теперь от боли и запаха крови совсем обезумел, взмахнул лапой и его длинные когти распорили лицо приподнявшегося оборотня. Тот, не вскрикнув, повалился на траву, и у лап грифона мелькнула, как молния, девушка – она быстро вытащила нож из плеча раненого – или уже мёртвого? – и кинулась в драку. Рядом с ней Рэйварго увидел Октая – они сражались бок о бок.

– Отступаем! – проорала Морица, уворачиваясь от клюва большого грифона, на шкуре которого её нож оставил немало кровавых полос. – Отступаем!

Оставшиеся оборотни нестройно повернулись и помчались в лес, оставляя за собой кровавый след. Но грифоны не собирались отпускать их так легко. Взбешённые болью, они побежали следом, испуская свои жуткие вопли. Поневоле оборотням пришлось остановиться и снова принять бой. Рэйварго страшно не хотелось становиться убийцей снова,

но и оставлять друга в драке он не мог – поэтому, сжав в одной руке нож Щена, в другой – обсидианового слоника, он помчался на помощь друзьям. В этот момент Морики, подняв нож, обежала грифонов, собираясь напасть на них сзади, но на её пути возник Октай. Его лицо было бледным, а пересекающий его шрам налился кровью.

– Это тебе за Веглао! – громко и отчётливо выкрикнул он и, размахнувшись, вонзил нож Морики в живот. Та не закричала от боли, а скорее икнула. Её руки с растопыренными короткими пальцами приподнялись, будто она хотела схватиться за нож, но тут Октай, не вытаскивая ножа, резко повёл им вверх, вспарывая Морики живот, и она, завывая от боли, вцепилась ему одной рукой в шею, другой подняла свой тесак. Юноша выдернул нож, окропив всё вокруг кровью, и вонзил его снова в живот Морики – на сей раз ниже, рядом с пахом. Та рычала от боли, булькая кровью, которая тонкими струйками текла из уголков перекошенного рта. Она замахнулась на Октая ножом, но тот перехватил её руку и удержал её на расстоянии от себя. Другой рукой она всё ещё продолжала душить его. Всё тело юноши дрожало от напряжения, перед глазами от нехватки воздуха заплясали чёрные крапинки. Подняв нож, он резанул им по руке Морики, душившей его, и между пальцев вервольфини заструилась тёмная венозная кровь. Та уже не зарычала, а захрипела, и её хватка стала чуть слабее. Со всей оставшейся силы Октай ударил её ногой в грудь, и она осела на землю. Кровь обиль-

но лилась из её ран, лицо мертвело на глазах. Октай окончательно стряхнул её руку с себя и поднялся на ноги, тяжело дыша. Мори́ка была ещё жива, она силилась подняться. Лежачего не бьют, подумал Октай, но ведь эта тварь так живуча – надо покончить с ней наверняка. Он поднял нож, и тут дикая боль обожгла его спину над правой лопаткой. Коротко вскрикнув, Октай упал прямо на Морику, уже закрывшую глаза.

– Октай! – в ужасе крикнул Рэйварго. Откликнулась и девушка. Бросив своего раненого противника с той же быстротой, с которой недавно напала на него, она помчалась к Октаю. Но Мордрей оказался быстрее их обоих. В мгновение ока он оказался рядом с бесчувственными противниками. Девушка с яростным воплем рванулась к оборотню, размахивая окровавленным ножом, и Рэйварго, приглядевшись, понял причину её гнева: на боку Мордрея болтались пустые деревянные ножны – это он ранил Октая. Решив, что Мордрей намеревается прикончить юношу, Рэйварго побежал быстрее, желая помочь девушке – но красивый оборотень только вынул нож из спины Октая и грубо отпихнул его в сторону. Морику же он легко поднял на руки. Она грузно повисла в его объятиях, кровь тяжело капала с её одежды.

– Ко мне! – заорал он, но откликнуться было практически некому – из девяти оборотней-спутников пятеро были убиты, а трое стремглав бежали в лес. Только противник девушки повиновался, рванувшись к Мордрею. Вместе они помча-

лись прочь, с залитой кровью поляны, и меньше чем через минуту исчезли. Грифоны, вопя и щёлкая клювами, бросились преследовать их, и девушка стонущим голосом выкрикнула им вслед:

– Бросьте их, нам надо уходить!

С этими словами она тяжело упала на колени перед Октаем и с силой, которую сложно было ожидать от неё, схватила его за плечи и приподняла. Лицо юноши было очень бледным, на него налипла грязь. Глаза были крепко закрыты. Зажимая рукой свою отчаянно болевшую рану, Рэйварго подошёл, шатаясь, поближе и опустился на колени. Где-то далеко послышался глухой раскат грома.

– Октай, – отчаянным позвала девушка, встряхивая друга. – Октай, не надо!

Рэйварго схватил мальчика за запястье и положил руку девушке на плечо. Она подняла на него лицо – такое же бледное, как у Октая.

– Пульс есть, – сообщил ей Рэйварго. – Я могу его понести. Здесь поблизости есть безопасное место.

Та судорожно кивнула и обернулась к лесу, в котором скрылись грифоны. Оттуда всё ещё доносились далёкие крики. Тут же снова прогремел гром – на сей раз прямо над их головами, так что они даже вздрогнули, и вместе с этим ударила молния, а спустя несколько секунд по листве забарабанили капли. Рэйварго не без труда поднял Октая на руки. Он побоялся, что не сможет его донести, но мальчик был

не слишком тяжёлый.

– Там под деревом лежит сумка, – сказал он девушке, – возьми её.

Та молча сбегала за сумкой и повесила её себе на плечо. Рэйварго поблагодарил её кивком и, повернувшись лицом к холму, стал взбираться на него. Девочка последовала за ним, ещё несколько раз оглянувшись. Она уже была не рада, что разожгла такой костёр – Октай спасён, но ранен, а грифоны наверняка ещё долго не выйдут из леса, раз уж им выпал такой шанс утолить свою ненависть.

– Как нам выйти отсюда? – спросил Рэйварго у девушки. – Ты уже была в этом лесу?

– Так глубоко ещё не забиралась. Но пойдём – я чувствую, где находится Тенве.

И он пошёл – больше ему ничего не оставалось.

Глава вторая

Возвращение старых знакомых

1

Весна Лесистых гор была суровой и поздней. В тёмных низинах, под низко стелющимися ветвями елей снег долго не таял, только становился чёрным и твёрдым. Зато с вершин он быстро исчезал, стекая вниз ручьями, и сквозь потускневший за зиму осенний ковёр пробивались подснежники и мать-и-мачеха. За ними вырастала трава, в которой вскоре начинали поблёскивать желтые звёздочки первоцвета и синие – подлески. Весна долго разжигалась, но ярко горела, и в середине мая вся местная природа, такая мрачная и печальная, наконец окончательно стряхивала с себя тёмные ткани. Лес из зеленовато-бурого становился светло-изумрудным, и дикие яблони, вишни, черёмухи казались островками жемчужной пены в этом зелёном море. Они красовались по три недели и облетали, чтобы дать очередь показать себя шиповнику и первым лилиям. Лес наполнялся птичьими криками, и в одну прекрасную ароматную ночь молодые оборотни просыпались от первой песни соловья.

А потом начиналось лето, щедрое на ливни и солнечный

свет. Если собирались тучи, то дождь начинался практически сразу – да какой дождь! Ливень, настоящий ливень, не косой, как внизу, нет – отвесный, как водопад. Казалось, что вода не несётся к земле каплями, а льётся струями. Росы выпадали такие сильные, что по утрам трава буквально сверкала под солнцем, а земля была влажной, как от дождя. Поляны зарастали такой высокой травой, что если в неё забредал олень, видны были лишь кончики его рогов. В разгар лета по поляне можно было ходить с непокрытой головой – стебли трав смыкались сверху, осыпая плечи и голову идущего жёлтой пылью. Белые ароматные цветы, похожие на зонты, пурпурный иван-чай, дикие ромашки и васильки, тысячелистник самых разных оттенков – от белого, как морская пена, до густо-бордового, как переспелые вишни, алые степные тюльпаны, золотые лютики, лиловые колокольчики, клевер – скромный белый и горделивый красный... сотни цветов и ароматов, особенно сильных после обильного дождя. У речек и озёр, недавно бешено ревущих, а теперь приветливо звенящих, свои цветы – скромные лиловые лилии и золотистые купавки, клейкие пышные рододендроны и маленькие голубые орхидеи, в тёмных прохладных заводях – водяные кувшинки. Под тенью пихт и кедров кудрявятся папоротник и крапива, узкие лесные тропки тонут в зарослях смородины, рябины, шиповника – шагнёшь в сторону, и запутаешься в их колючих ветвях, потеряешься в паутине листьев. День и ночь сменяли друг друга быстро, без всякой

подготовки. Темнота наступала сразу после горячего заката и исчезала с первыми лучами солнца. В первое же лето в Лесистых Горах ребята забыли, что такое сумерки.

Лето не задерживалось надолго – оно уходило в августе, оставляя за собой жёлтые пряди в зелёных косах берёз. Осень приносила с собой мягкое тепло днём и жгучую прохладу ночью. В залитых солнцем лещинах созревали орехи, во мху проклёвывались грибы, птицы тоскующе глядели на небо, олени бродили по мрачнеющим лесам, как горделивые и печальные призраки, волки выли ночами, журавли снимались с болот. Потом начинались дожди, шум которых сливался с шумом рек, и реки гудели и разбухали, и несли с собой сломанные ветки и опавшие листья. К утру лужицы замерзали, ветки деревьев блестели уже не от влаги, а ото льда, ягоды рябины хрустели на зубах, ноги тонули в тяжёлом и густом слое опавших листьев. В конце октября с севера, из Туманных скал, надвигались тяжёлые снежные тучи, и горы, уставшие от грязи и сырости, укутывались в белые одеяла, под которыми засыпали до следующего марта. Зимой с севера напознал туман. Напознал в буквальном смысле, двигаясь быстро и осознанно, как живое существо. Веглао и Октай наблюдали это зрелище с вершины одной из высоких скал, на которую взобраться было несложно – камни, торчащие из склона тут и там, превосходно заменяли ступеньки. Честно говоря, смотреть на то, как туман просачивается между горами, как вода меж пальцев, было жуткова-

то. Однажды эта мгла не рассеивалась целых пять дней, что удивило и немного испугало ребят. Потом от грифонов они узнали, что севернее туман стоит всю зиму, а в Туманных Скалах не исчезает вообще никогда.

Жизнь юных оборотней тянулась спокойно, медленно и тихо – то есть именно так, как они когда-то и мечтали, дрожа от холода в своём блиндаже неподалёку от Станситри. Здесь, в Лесистых Горах, они нашли то, что искали – спокойствие, свободу, вдоволь пищи и чистую воду. Если их когда-то и объявляли в розыск, это потеряло смысл после того, как Кривой Коготь разгромил ликантрозорий №14, а в горах они умели не попадаться на глаза особенно смелым охотникам из Подгорья, которые забирались слишком далеко. Весь мир забыл о них, и ребят могли схватить только в том случае, если бы они пришли в полицию сами – чего они, разумеется, делать не собирались.

Мало-помалу те испуганные и решительные маленькие оборотни, сбежавшие из ликантрозория, остались в прошлом, хотя совсем не были забыты. Тогда они и представить себе не могли, какими сделает их жизнь в Лесистых горах. Из книг Веглао и Октай вычитали, что древние племена верили в то, что, съев какое-то животное, можно обрести его силу, смелость, зоркость, выносливость – всё то, чем славится этот зверь. Похоже, это действительно было правдой – мало-помалу они научились бегать так же быстро, как олени и зайцы, плавать в ледяной воде горных рек легко и про-

ворно, как серебристые форели и лососи, сражаться отважно и яростно, как кабаны, подстерегать добычу спокойно, как медведи, и преследовать её стремительно и настойчиво, как волки и камышовые коты. Они учились терпеть боль и лечить раны. Дрались преимущественно друг с другом, и Веглао всегда ужасно злилась, когда Октай ей поддавался. Они делали тетивы для луков из оленьих жил и вырезали накопечники для дротиков и стрел из костей и оленьих рогов; они научились выделывать кожу и шить из неё кое-какие вещички; они мылись «цыганским мылом», которое находили в заросших тиной заводях, и делали миски из глины; они ложились спать на траву и засыпали так же крепко и быстро, как в постелях своих детских комнат. Они любовались рассветами, взбирались на скалы, собирали цветы, вместе убивали и свеживали добычу, вместе собирали хворост, таскали из дупел дикий мёд, приносили друг для друга орешки в карманах. Это была жизнь, о которой отчаянно мечтали их ровесники, сидя в душных классах (если им повезло) или в холодных камерах ликантрозория (если им повезло всего один раз – спастись от оборотня). Изредка они спускались вниз, в Тенве или в другие городки – например, Палетшетри (до него нужно было идти дольше, но он был крупнее, чем Тенве, а потому на них там обращали меньше внимания). На свалках возле городков можно было отыскать неплохую одежду, которая чаще всего выбрасывалась просто потому, что вышла из моды или обзавелась несмываемым пятном.

А на это юным бродягам было наплевать – главное, чтобы рубашки и брюки по швам не расползались и хоть как-то защищали от холода, дождя или жары. Там также можно было найти ношенные ботинки или собрать неплохой урожай шнурков, пуговиц, проволоки, верёвок. Реже удавалось найти что-нибудь по-настоящему ценное, например, нож. Конечно, одного мусорного промысла было не всегда достаточно. Временами, когда становилось слишком туго или хотелось поглядеть на людей, ребята немного подрабатывали: собирали бутылки, устраивались на несколько дней мести улицы, мыть витрины магазинов, расклеивать объявления, сгребать опавшие листья или обрубать сухие ветки деревьев в парках. На небольшие деньги, получаемые за работу, оборотни покупали всякие необходимые мелочи: спички, иголки, нитки, свечи, соль, иногда – хлеб. Бывали и более крупные траты. На первый свой Новый Год в Лесистых горах ребята подарили друг другу алюминиевые кружки. Когда Октаю исполнилось четырнадцать, Веглао принесла ему из города пачку сахара, а он подарил ей на шестнадцатилетие упаковку настоящего чёрного чая с васильком. А ещё они таскали со свалок старые газеты и покалеченные книжки, чтобы не так было скучно зимой, когда снаружи выюга и темнота, а внутри пещеры тепло, тихо и полным-полно сушёных грибов, ягод, рыбы и мяса. Книжки они читали и перечитывали, а газеты, просмотрев, без всякого зазрения совести сжигали.

Они обычно ходили в города поодиночке, и не дольше,

чем на неделю. Плюс три дня на дорогу туда и три – обратно. Эти тринадцать дней выкраивались специально так, чтобы подальше от полнолуния: превратишься в городе – не ровен час, укусишь или убьёшь кого-нибудь. Ребята уславливались, что, если тот, кто в городе, задержится хотя бы на сутки, то тот, кто оставался в горах, должен будет отправляться на поиски. Нарушен регламент был лишь один раз, когда Октай снова схватил простуду и провёл в Тенве лишние сутки, отлёживаясь и отогреваясь.

Однажды летом, когда ей было пятнадцать, Веглао отправилась на охоту. Выбравшись из леса на широкую поляну, в центре которой на небольшом холме рос старый кедр, она остановилась и откинула со лба выбившуюся из косы прядку волос. Со стороны она выглядела так, что никто из прежних знакомых не узнал бы её: рубашка с коротко обрезанными рукавами (было достаточно жарко), обнажавшими крепкие загорелые руки, покрытые белыми шрамами; брюки, оставшиеся ещё со времён ликантрозория, оборванные снизу и подвязанные под коленями тонкими полосками кожи; плетёная лёгкая обувь из кожи и коры. На поясе у неё висел нож, а в руке она держала самодельное копьё с наконечником из остро наточенного обломка кости.

Выйдя на поляну, Веглао сразу почуяла сильный запах крови и сырого мяса, а потом услышала хруст и урчание – совсем близко обедал какой-то хищник. Она взяла копьё обеими руками и покрепче его сжала. Отнимать добычу у дикого

зверя – себе дороже. Веглао осторожно, стараясь не шуметь, отступила было назад в лес, но тут увидела, что на траве кое-где разбросаны перья, слишком большие для куропатки или даже глухаря. Веглао подошла к ближайшему пятну тёплой, свежей крови и подняла запачкавшееся в ней перо. Перо было коричневым с зелёными и золотыми полосками. Только у грифонов, и далеко не у каждого из них, были такие перья.

Как-то Бирлюс принёс Октая и Веглао на вершину одной из грифоньих скал, той самой, на которой состоялось их первая встреча с Варгалой. К тому времени грифоны уже привыкли к ребятам, и теперь никто из них, кружащих вокруг, громко кричащих и борющихся за свободные места, не обращал на молодых оборотней никакого внимания. Те могли спокойно наблюдать за ними, поражаясь мысленно, до чего же все они непохожи друг на друга. Здесь были большие грифоны, более крупные, чем лошадь, и малые, со средних размеров собаку. Тёмные и светлые, полосатые и пятнистые. Тела одних были покрыты густой шерстью, других – обтянуты плотной кожей, третьих – блестели гладкой чешуёй. С голыми шеями грифов, с массивными клювами орлов, с удлинёнными головами ягнятников, с жёлтыми, карими, зелёными, чёрными глазами. С пернатыми, как у птиц, или мембранными, как у летучих мышей, крыльями. Грифоны кожистые, чепрачные, белые, рыжие, тигровые, зелёные.

– Как же вас много! – сказал Октай.

– Нет! – каркнул Бирлюс, и в его скрипучем голосе звуча-

ла невероятная печаль. – Нет, сейчас мало. Давно – много. Сейчас – мало. Все здесь!

– Все грифоны здесь? – изумился Октай. – Больше их нигде нет?

Бирлюс фыркнул, как лошадь, и сердито затряс головой:

– Нет! Мы есть! Тут есть, там есть! Полночь, полдень, закат, восход!

– Значит, во всех сторонах света есть грифоны?

– Да! Таркес – смотри! Полночь – Таркес! – Бирлюс махнул крылом на крупного, коренастого грифона Таркеса с огромными мембранными крыльями и бурой пушистой шкурой. – Ненсере – восход! – Друзья посмотрели на грифониху Ненсере, маленькую, с длинной шеей, с поджарым телом, покрытым коротенькой шёрсткой апельсинного цвета.

– Такие, как Таркес, живут на севере, а такие, как Ненсере, на востоке? – уточнила Веглао. – Но сейчас они здесь?

– Да! – ответил Бирлюс радостно: он всегда радовался, когда ребята его понимали. Так он объяснил им, что когда-то грифоньих стай, подобных этой, было великое множество, но таких разношёрстных не существовало. В каждой жил какой-то один вид. Но мало-помалу их вытесняли люди и звери, и грифоны начали вымирать. Чтоб не погибнуть, остатки видов объединились в большие стаи. Это был закат могущества грифонов – закат пёстрый, шумный и невероятно красивый.

Держа в руке красивое перо, Веглао вспомнила эту исто-

рию. Вспомнила она и другое: когда последний раз она разговаривала с Бирлюсом, тот туманно обмолвился о том, что у грифонов стали пропадать детёныши. Собственно, на тот момент никто из грифонов, кроме Бирлюса, с ними не общался. Если ребятам случалось встречать грифона, он сердито щерился и угрожающе шипел на них, а некоторые ещё и гневно кричали и хлопали крыльями. В таких случаях помогало только одно: спокойствие. Ни в коем случае нельзя было ни убежать, ни продемонстрировать враждебность в ответ: дело могло кончиться плохо. Проходил месяц за месяцем, одно полнолуние следовало за другим, и ни разу ни один грифон не пострадал. Постепенно грифоны смягчились. Ребята вздохнули с облегчением: их не выгонят. Идти дальше на север, к Туманным Скалам, где грифонов не было, они не хотели. Но сейчас, когда бесследно пропали несколько маленьких грифонов, грифоны понемногу снова начали косо глядеть на оборотней. Над головами Веглао и Октяя опять начали сгущаться тучи.

От холма послышался глухой рык. Веглао подняла голову. Из расщелины в зелёной траве на склоне бугра, которую она вначале не заметила, вышел пещерный лев. До этого Веглао думала, что эти звери давно вымерли. Но вот он, стоит перед ней, совсем как картинка из учебника биологии – тёмно-песочная шкура, чёрная спутанная грива, два жёлтых глаза злобно глядят со слишком длинной для обычного льва морды, красной и блестящей от крови. Лев пере-

ступил с лапы на лапу – они были крепкие и сильные, под гладкой шкурой были видны тугие мускулы. Он тихо зарычал, глядя на Веглао, а его хвост два раза метнулся в стороны, ударив кисточкой по бокам.

Он сорвался с места и помчался на неё. Веглао упала на землю и откатилась в сторону, потом вскочила и повернулась к нему, крепко сжимая копьё. Лев развернулся и снова кинулся на неё. Когти, секунду назад вонзившиеся в землю, вырвали из неё комочки дёрна. Веглао выставила копьё вперёд, и оно вонзилось в плечо, прикрытое гривой. Лев закричал, как кот, которому прищемили хвост, и никогда Веглао не слышала более страшного мяуканья. Он подался назад, и одновременно Веглао с силой дёрнула копьё. Слишком сильный рывок кончился плохо: наконечник застрял в теле льва, а в руках девушки осталось только древко. Лев всё ещё яростно мяукал, припадая к земле, а кровь быстро текла из его раны, брызгая на траву. В следующую секунду, обезумев от боли, он снова прыгнул на неё, повалив на землю. Веглао успела выставить древко от копья вперёд, и лапы льва сломали его пополам, вместо того чтобы сломать ей плечи. Перекатившись под брюхом льва, Веглао успела выхватить нож и полоснуть его по животу. Противник снова взвыл и на несколько секунд упал на траву. Она быстро темнела под ним. Едва переведя дыхание, Веглао напала на него со спины. Лев заревел и вскочил, когда она вцепилась в его гриву и сжала коленями бока. Он рванулся в одну, в дру-

гую сторону, пытаясь сбросить её. Веглао ударила его ножом в шею, и оттуда брызнула струя крови, облившая ей руку. Крича от боли, лев крутанулся на месте. Девочка потеряла равновесие и упала с его спины на траву, её рука вырвала клочок шерсти из гривы льва. Он взмахнул огромной лапой, Веглао еле успела увернуться. Ужасная боль ослепила её, когда когти рассекли кожу на голове и правую бровь. Но это были лишь царапины, а ведь он мог бы раскроить ей череп. Она ткнула ножом вперёд и вверх, вслепую, ориентируясь только по рычанию льва, и что-то горячее, жидкое обожгло её ладонь и запястье.

Лев упал на неё, почти раздавив – триста килограммов, не меньше, мышц и тяжёлых костей. Веглао ждала смерти, но он не бил её когтями, не рвал зубами. Он просто вздрогнул и умер, вздохнув, как человек. Она вытащила нож и уронила его, потом руками и коленями, скользкими от крови, уперлась в его брюхо и грудь и выбралась из-под него.

Зрение прояснилось. Правая сторона головы ужасно болела, как будто с неё начисто собрали кожу. Веглао поднялась, шатаясь, и тут же снова упала на колени. Пряди волос, нависшие ей на лицо, были уже не седыми, а красными.

Лев лежал на животе. Последний удар ножа пришёлся ему прямо в глазницу. Кровь всё текла и текла из него, от её запаха во рту разливался вкус железа. Веглао ползком добралась до протекавшего неподалёку ручья, опустила в него лицо и принялась жадно пить, но вкус крови никуда не делся

даже после десятого глотка.

Промыв свои раны, Веглао спустилась в пещеру. Там она нашла то, что и ожидала найти: кости грифоньего молодняка и один свежий трупик, с ободранными крыльями.

Октай пришёл в ужас, когда она вернулась на их стоянку, измученная, окровавленная и с мёртвым грифончиком на руках. Первое, что он спросил, было:

– Ты что, охотилась на грифона? Они же нас сожрут!

Тем же вечером на холме со старым кедром собралось множество грифонов. Все они видели мёртвого льва, останки детёнышей и раны Веглао. Бирлюс, который привёл их всех сюда, расхаживал туда-сюда с таким гордым видом, как будто это он победил чудовище, и говорил на грифоньем языке что-то вроде «вот видите, а вы хотели их убить». После этого случая оборотни получили нечто более ценное, чем новый дом – доверие грифонов. Спустя два года Веглао явилась к ним за возвращением долга, пообещав кровь оборотней – и это сработало.

2

Весной этого года пути Веглао и Тальнара, казалось бы, разошедшиеся навсегда, неожиданно сошлись вновь.

За последние годы стая Кривого Когтя разрослась настолько, что только в пещерах Меркании проживало около тысячи оборотней. Наиболее верных Кривой Коготь отправлял в разные части Бернии, чтобы те создавали там свои стаи. Казалось бы, нападения оборотней должны были участиться, но этого не происходило. Кривой Коготь ясно дал понять: начинать новый террор без его приказа нельзя. Потому и делал новыми вожаками тех, кто умел беспрекословно подчинять себе оборотней, кто мог хоть сколько-нибудь сдерживать их и свою ярость. Таких было немного, и в основном это были те, кого обратил сам Кривой Коготь, причём обратил очень давно, когда они были детьми. Мори́ка и Щен были отправлены на север, в леса рядом с Лесистыми горами. Спустя год после того, как они основали там свою стаю, Кривой Коготь отправил к ним гонцов с известием о том, что в мае они должны будут нанести удар по городу Тенве.

Гонцами стали трое – Тальнар, Аврас и Пёсья голова. Это прозвище третий оборотень получил за то, что его лицо напоминало морду бульдога: квадратная нижняя челюсть, отвислые, напоминающие брыли, губы и щёки, острые зубы и круглые, полускрытые тяжёлыми дряблыми веками, глаза.

Единственным достоинством Пёсьей головы было то, что он очень быстро ходил и за день мог покрыть приличное расстояние. В остальном же это был один из самых никчёмных людей, каких Тальнар когда-нибудь встречал. Пёсья голова был труслив, туп и вдобавок постоянно жаловался на что-нибудь: на погоду, на невкусную еду, на свои больные почки, на вервольфиню, с которой жил, на прижитых от неё детей – «щенков», как он их называл. У Пёсьей головы их было четверо, все мальчики, старшему из них исполнилось шесть лет, а младший как раз недавно перенёс третье полнолуние. Этой зимой у Тальнара и Заячьей Губы тоже родился сын. Он умер через три недели, так и не получив никакого имени. У оборотней из стаи Кривого Когтя сложился своеобразный обычай: не давать ребёнку никакого имени, пока он не переживёт своего первого полнолуния. Сын Тальнара не пережил. Заячья Губа рыдала, когда они вдвоём его закапывали в мёрзлую землю маленькой долины, где оборотни хоронили своих, а вот Тальнар не проронил ни одной слезинки. Он не успел как следует привязаться к малышу, и в глубине души был рад, что существо, с самого рождения обречённое на одиночество, жестокость и голод, всё же было от них избавлено. Но до сих пор, когда он вспоминал это маленькое тело, изодранное и окровавленное, беспомощно вытянутую шейку и полуоткрытые глаза, серые, как у него, ему становилось тоскливо и больно.

Весна выдалась холодной и хмурой, ни разу не порадовав-

шей людей ясной погодой. Снег не таял – его смывало бесконечными дождями. Большинство дорог в Бернии были грунтовыми, и теперь они превратились в реки жидкой холодной грязи. Обратни вышли из Клыкастых гор в самом начале марта, и только через несколько недель добрались до Станситри, где провели пару дней, набираясь сил. Тальнар не боялся, что его узнают: посмотревшись на себя в окна, он убедился, что даже отец, будь он жив, не узнал бы его. Свою красоту он растерял, и в неполные двадцать два года выглядел наполовину стариком. Волосы поседели и потускнели, лицо исхудало и стало каким-то серым, а в глазах появилось затравленное и безразличное выражение. Кто бы мог узнать прежнего надменного красавца в этом опустившемся бродяге!

Путь был далёк. От Станситри они доехали на товарном поезде до Гарду, от Гарду пешком дошли до Увика, потом добрались и до Тенве, в лесах возле которого расположились Щен, Морики и их стая.

Лесистые горы, пользующиеся такой дурной славой среди оборотней, находились совсем рядом. Впервые Тальнар увидел их так близко. Невольно они поразили его – даже здесь, в предгорьях, они казались много выше, чем Клыкастые, а пышная растительность, окутывавшая их, не имела ничего общего с жидким покровом Клыкастых гор.

– Как здесь красиво, правда? – спросил он у Авраса, когда они стояли все втроем на вершине небольшого, похоже-

го на купол, холма, и ветер трепал их рваные плащи. Отсюда была видна только малая часть отрогов Гор. На одной из них, очень высокой, тёмной от сосен и пихт, виднелась тонкая нитка взорванной железной дороги. Тальнар этого не знал, но именно по этой дороге три года назад ехал поезд, который привёз сюда ту, кого он до сих пор видел в самых горьких своих снах.

Пёсья голова только хмыкнул и, харкнув на землю, застенчиво растёр плевком ботинком. Аврас обернулся к Тальнару, его обветренное лицо было усталым и мрачным:

– Да, здесь очень красиво, – пробормотал он. Потом, приподняв голову, посмотрел на поросшие редким лесом холмы, за которыми скрывался Тенве (отсюда была видна только башня с часами – самое высокое строение в городе), и более громко сказал:

– Я предлагаю сходить в город.

– Зачем? – проворчал Пёсья голова. – Лучше пойти сразу к Морике. В городе нас могут взять за задницы, и ещё повезёт, если всё кончится каким-нибудь вшивым ликантрозо-рием.

– В городе можно узнать новости, которых не знает Морика, – туманно ответил Аврас. – Мы можем узнать, как работают её оборотни, прежде чем она поймёт, что мы здесь. Коготь приказал нам посмотреть на работу стаи, а Морика не станет показывать свои огрехи – она скорее попытается их исправить сама. Спорю на что угодно, в городе есть вол-

ки, вот и поглядим, хорошо ли они прячутся.

– Давайте пойдём туда ночью, – предложил Тальнар, – а сейчас найдём место, чтоб отдохнуть.

Аврас мотнул головой.

– Нет, – коротко сказал он. – Не ночью. Мы идём туда завтра днём.

Тальнар непонимающе посмотрел на своего друга. Что случилось с Аврасом? Он, всегда такой осторожный и здравомыслящий, решил идти среди бела дня в город, полный людей. А они наверняка заподозрят опасность в троих вооружённых бродягах, от которых в ужасе разбегаются животные.

Аврас почувствовал его взгляд и, обернувшись, подтвердил:

– Да, днём. Я хочу посмотреть на людей.

– А точнее, на чистеньких городских баб, – поддакнул Пёсья голова. Аврас и ухом не повёл. По-прежнему глядя только на Тальнара, он объяснил:

– Те, кто шатается по городским улицам ночью, вызовут больше подозрений, чем те, кто ходит там днём. Оружие мы спрячем под одеждой, а наш вид ни у кого не вызовет подозрений. Сам видел, сейчас повсюду полным-полно беженцев и бродяг.

– Ладно, – вздохнул Тальнар. Его всё ещё не оставляли сомнения. Да, в Станситри и Увике никто не попытался их задержать, но в Увике и в самом деле много бездомных, а Стан-

ситри слишком далеко от оборотничьих стай, в Тенве же народ наверняка подозрительнее. Он не хотел и близко подходить к городку (хотя и вовсе не стремился к встрече с Морикой), но понимал: Аврас не откажется от своих намерений.

Неподалёку от города, в мрачной долине между несколькими холмами, были развалины нескольких зданий, длинных и некрасивых – судя по всему, когда-то здесь были склады. В одном из них сохранилось довольно много пустых бочек и ящиков, на которых можно было устроить постели. Тальнар остался здесь, а его спутники ушли на поиски ужина. Когда начало темнеть, они вернулись с неожиданно богатой добычей – горной козой.

– Ого! – восхищённо воскликнул Тальнар, глядя длинную белую шерсть животного. – Какая красавица! Где вы её нашли?

– В Горах, – ответил Аврас, скидывая с плеч ватник и садясь к разведённому Тальнаром костру. – Здешние звери и вправду не боятся таких, как мы. Пойди, разделай её. Пёсья голова тебе поможет.

– Не помогу, – отозвался Пёсья голова, ковыляя к сдвинутым вместе ящикам, на которых намеревался поспать. – Я еле на ногах стою. Червяк и без меня справится.

Раздался грохот – это Аврас опрокинул на пол бочку, на которой сидел.

– Не смей называть его червяком! – рявкнул он, подступая на шаг к Пёсьей голове. В этот момент Аврас был так

страшен, что Тальнар испугался ничуть не меньше старого оборотня, инстинктивно отступившего на шаг.

– Не надо, Аврас, всё в порядке! – испуганно крикнул он, приподняв руку с уже окровавленным ножом – он только что начал свежевать козу. Аврас взглянул на него, потом вперил грозный взгляд в Пёсью голову. Тот попятился в ужасе.

– Не надо так на меня смотреть, что я, один, что ли?! – завизжал он. – Его многие так называют, не только я!

– Знаю, – прорычал Аврас. – Ему пришлось пережить побольше, чем некоторым! Так что захлопнись и помоги ему! Козу убил я, сюда донёс её тоже я – так что работай!

Он развернулся и, подняв бочку, снова сел к костру. Тальнар молча продолжил свежевать козу. Пёсья голова так же молча собрал и унёс её требуху, оставив только лёгкие, сердце и печень. Спустя недолгое время Тальнар подвесил куски туши над угасающим костром жариться. Шкурка козы ему понравилась, и он решил её выдубить и принести Заячьей Губе в подарок.

Ужин прошёл в молчании. Покончив с козлятиной, Пёсья голова вытер блестящие от жира толстые губы волосатой ладонью и ушёл спать. Аврас отнёс свою бочку к входу в склад и сел там. Тальнар, погревшись немного у костра, подумал о том, что пора бы лечь спать, но сон не шёл. В конце концов он поднялся на ноги и пошёл к Аврасу.

На звук его шагов тот обернулся. В полумраке Тальнар увидел его кривую улыбку, но когда он подошёл поближе, то

усомнился в том, что это вообще была улыбка – глаза Авраса были очень тревожные и грустные.

– Садись, сынок, поговорим, – сказал он, пододвигая ещё один бочонок для Тальнара. – Жаль, что в этих бочонках нет ничего такого, чем можно было бы промочить горло. Я бы не отказался от пивка.

– Я не пью, – улыбнулся Тальнар, садясь рядом. – Ты что грустишь, Аврас?

– А чего веселиться-то? – проворчал Аврас, пожав плечами. – Мне сорок четыре года, и сорок из них у меня нет ни дома, ни семьи. Никому не пожелаю моей судьбы.

Он закрыл глаза и поморщился, как от боли. Тальнар сидел тихо. Ещё никогда ему не доводилось слышать, как Аврас облегчает душу – обычно тот не очень-то распространялся о себе. Аврас, должно быть, почувствовал его замешательство. Он открыл глаза и, покосившись на Тальнара, улыбнулся по-настоящему.

– Не обращай внимания, – хрипловато проговорил он. – Что-то на меня накатило. Иногда так бывает. Старею, наверное.

– Тебе не стоило так разговаривать с Пёсьей головой, – смущённо сказал Тальнар.

Аврас помрачнел, в его глазах мелькнуло уже знакомое гневное выражение:

– Я сам разберусь, что мне стоит делать, – резко ответил он.

– Не сердись, – поспешно сказал Тальнар, протягивая руку и касаясь его рукава. – Я ничего такого не хотел сказать, просто я уже привык к таким вещам.

– Привык? Я в твои годы уже знал, что привыкать не следует ни к чему. Тебе совсем наплевать на то, как к тебе относятся?

– По большому счёту да, – пожал плечами Тальнар. – Что бы я ни сделал, всегда найдутся те, кто будет оскорблять и ненавидеть, но что мне до них? Меня волнует только то, как ко мне относятся те, кого я люблю.

– И многих ты любишь?

– Нет. Только Зайчишку и тебя.

Аврас искривил рот в своей обычной ухмылке.

– Не слишком-то привязывайся ко мне и к ней, Тальнар. Сейчас можно быть уверенным только в одной вещи: в том, что рано или поздно каждый из нашей стаи умрёт, и виноват в этом будет Кривой Коготь.

Тальнар вытаращился на него. Аврас усмехнулся.

– А ты думал, я от него в восторге? Я ведь стал оборотнем так же рано, как и ты. Кривой Коготь, наверное, не планировал меня обращать – ведь и ему иногда нужно просто нажраться сырого мяса и напиться крови. Но я выжил, хотя у меня с шеи, вот тут, – он помахал рукой над более светлым, слегка стянутым у краёв, участком кожи на своей шее, который Тальнар всегда принимал за след от ожога, – был сорван здоровенный кусок, так что видна была артерия.

Тальнар поёжился от страха, представив себе это зрелище.

– Как же ты выжил? – тихо спросил он. Аврас снова усмехнулся:

– Не знаю. Наверное, мне просто не захотелось умирать. Обидно было помирать именно тогда, когда жизнь наконец стала налаживаться...

Аврас вытер лоб рукой и продолжил рассказывать:

– Я жил в Антьене. Мне было двенадцать лет. Я был сиротой, малолетним преступником. Бродяжил, воровал, примыкал к бандам таких же сопляков-беспризорников. Но однажды меня загребли – ночью мы с двумя моими приятелями решили ограбить магазин. Те двое смылись, а меня сцапали. Полицейские поволокли меня в участок, но по дороге я убежал... а дело происходило неподалёку от вокзала. Я бросился прямо туда, и заскочил в теплушку одного маленького поезда, который уходил на восток, к границам Антьены.

Аврас тихо рассмеялся горьким и усталым смехом, потёр пальцами уголки рта.

– Ты хоть представляешь себе, Тальнар, что такое теплушка?.. Сейчас такие поезда уже не ходят, а тогда, тридцать с лишним лет назад, их было много. Старые, деревянные, ветер по щелям, один вагон рассчитан на двадцать человек, а набивалось пятьдесят. Курят, блюют, матерятся так, что уши сворачиваются, дети орут, крестьяне тут же везут коз, свиней, кур... Вонь невыносимая, дерьмо, грязь, летом – пекло, зимой – холод... Товарняк, на котором мы еха-

ли в Гарду, по сравнению с этим – рай.

Аврас ненадолго замолчал, потом снова заговорил, и голос его звучал мягко и в то же время – неуверенно, как будто Аврас сочинял свой рассказ на ходу:

– В том вагоне я познакомился с одним парнишкой. Он был старше меня на шесть лет, ему было уже восемнадцать. Он был немного похож на тебя. У него тоже были светлые волосы и серые глаза, он был худенький, смазливый, был неплохо одет... Этакий примерный мальчик из университета. Как сейчас помню: стоит он, зажавшись в угол, прижимает к себе туго-туго набитый портфель... а глаза, как у загнанного зверька – испуганные, отчаянные. Меня как будто что-то бросило к нему. Мы познакомились, разговорились. Выяснилось, что он сбежал из дома и пробирается сейчас в Бернию. А потом мы решили, что будем идти вместе. И так мы странствовали с ним вместе по этим землям. Целых шесть лет, Тальнар, шесть лет мы бродили по Бернии. Иногда мы останавливались где-то, находили работёнку. Но тут разгоралась новая война, и мы снова срывались с места, шли всё дальше и дальше, пока не пришли в один городок под названием Донирет. Мне было уже восемнадцать, ему – двадцать четыре. Там-то это и случилось – на меня напал оборотень. Кривой Коготь.

– И что сказал твой друг?

– Ничего не сказал. Я пришёл в себя в каком-то подвале, где эта тв... где вожак прятался от людей. Оказывается, это

он меня туда притащил. Он перевязал мне раны и сказал, что ему такие смельчаки нужны... Что ещё мне оставалось делать? В тот же вечер я ушёл из Донирета. Не знаю, что подумал мой друг. Да и что с ним теперь? Быть может, его и в живых уже нет...

Тальнар хотел, чтобы Аврас продолжил рассказывать, но тот замолчал. Теперь молодой оборотень понимал, почему Аврас стал его союзником. Помолчав, он нерешительно спросил:

– А что ты думаешь о Морике?

– Психопатка, больше никто, – пожал плечами Аврас. – Она не такая умная, как Коготь, но зато злая, как чёрт, и умеет заставлять всех делать так, как она хочет.

– И как думаешь, хорошая из неё получилась атаманша?

– Вот послезавтра и увидим. Иди лучше спать.

Тальнар последовал этому совету – он уже очень устал. Улегшись на пол и укрывшись плащом, он очень скоро заснул.

3

Тальнару не понравился Тенве. Он был меньше, чем Станситри, некрасив и беспорядочен, ужасно грязен и всё в нём дышало запустением и депрессией. Штукатурка отваливалась от домов кусками, деревянные крыши служили почвой для мха, а немногие жестяные кровли были рыжими от ржавчины. Несколько центральных улиц были заасфальтированы, но судя по их состоянию, произошло это лет пятьдесят назад – от асфальта остались лишь фрагменты, между которыми чернела грязь и пробивалась молодая трава. Прямо по улицам бродили козы – судя по виду, дальние родственники той дикой красотки, которую вчера подстрелил Аврас, но вид у большинства из них был унылый и истощённый.

Аврас оказался прав: в городе хватало бродяг. Большинство из них сидело у домов, которые выглядели заброшенными (хотя на самом деле заброшенными были далеко не все), и дремали, уткнув лица в засаленные воротники старых курток, либо смотрели на улицу усталыми тусклыми глазами. Перед многими из них на земле или асфальте стояли блюда или кружки, а то и расстеленная тряпка или газета – для милостыни. Но редкие прохожие предпочитали не обращать на них внимания, либо поглядывали на них мрачно и неодобрительно.

В городе, кроме них, было ещё несколько оборотней. Трое

посланников разбрелись, чтобы отыскать их. Пёсья Голова с его отвращением к людям отправился бродить по окраинам, Аврас и Тальнар добрались до центра и там разошлись.

Тальнар миновал центр города и вышел к окраинному кварталу. Сразу же, по тишине, а может, по особенному запаху, свойственному покинутым домам, он понял, что здесь больше никто не живёт. Дома, из которых съехали обитатели, производили гнетущее и при этом завораживающее впечатление: казалось, что из их пустых окон на тебя смотрит кто-то невидимый. В конце улицы стоял большой дом, крыша которого совсем провалилась, но двухэтажный корпус, судя по виду, собирался простоять ещё добрый пяток лет.

Тальнар подошёл ближе. Чутьё подсказало ему, что внутри дома находится оборотень, и Тальнар не усомнился в том, что это Аврас. Его друга всегда влекло к заброшенным домам, где он мог найти что-нибудь, на его взгляд, ценное. Тальнар подошёл к дому и открыл дверь. Она подалась трудно, но без скрипа. Он вошёл внутрь и сразу же упёрся носом в стену – за дверью был крохотный пяточок пола, от которого вниз влево вела лестница. Тальнар посмотрел из-за стены вниз, через перила, и имя Авраса замерло на его губах, так и не сорвавшись с них.

Внизу, за заваленным газетами столом, сидел оборотень, но это не был его попутчик. Голова его была склонена и вдобавок почти целиком скрыта под капюшоном грязной голубой ветровки. Но руки, одна из которых подпирала лоб, дру-

гая постукивала пальцами по столешнице, были такими маленькими и тонкими, что Тальнар предположил, что внизу сидит женщина или девушка. Она явно не услышала, как стукнула дверь.

Может, это кто-то из стаи Морики, подумал Тальнар, гадая, стоит ли окликнуть её или спуститься, как вдруг девушка перестала стучать пальцами по столу. Она замерла, прислушиваясь, и Тальнар понял, что она почувствовала оборотня.

Он не успел ничего предпринять и даже подумать. Она вдруг быстро отняла руку ото лба и подняла голову. Какую-то долю секунды они смотрели друг на друга, а потом Тальнар вылетел из дома и бросился бежать, как напуганный мальчик.

Только пробежав опростелю, не разбирая дороги, несколько улиц, он налетел на какой-то забор, и, задыхаясь и дрожа, привалился к нему, почти падая на колени. Лицо девушки всё ещё стояло перед его внутренним взглядом – причудливо изменившееся и в то же время такое знакомое. Он всё ещё видел бледно-зелёные – даже на таком расстоянии сумел разглядеть цвет – глаза, которые Морика, по её словам, выколола три с половиной года назад.

Неужели всё это время она оставалась жива? Тальнар не мог в это поверить. В глубине души он уже похоронил и оплакал её, и теперь его охватил суеверный ужас. Уж не увидел ли он привидение?..

Стоп, стоп. Опершись на забор, он выпрямился и осмотрелся вокруг затравленными глазами. Привидение Веглао не могло бродить там, где эта девочка в жизни не была, — а в том, что никогда нога её не ступала здесь, Тальнар не сомневался. И потом, ну какое привидение станет шелестеть газетами и стучать пальцами по столу? Абсурд... Конечно, это не она. Это просто какая-то девушка, похожая на неё. Через два дня Тальнар, Аврас и Песья голова будут в стае Морики и Щена, и там Тальнар увидит эту девушку-оборотня, так похожую на Веглао... и, может быть, даже поговорит с ней...

Круто развернувшись, он зашагал назад. По дороге оторвал листок с объявлением с какой-то стены. Неподалёку беседовали о чём-то две девочки лет десяти со школьными сумками за спиной. Подойдя к ним, Тальнар попросил карандаш. Девочки испуганно взглянули на него, но одна всё-таки вытащила карандаш из кармашка сумки и с опаской протянула его Тальнару. Поблагодарив, Тальнар отошёл к стене, прижал к ней листок, и, волнуясь и протыкая бумагу карандашом, написал:

«Веглао, если это действительно ты, приходи сегодня вечером в шесть, или около того в троктир возле круглой башни на краю города ты не ошибёшься, он там такой один. Пожалуйста приходи я буду один и без оружия, тебе ничего неугрожает. Тальнар».

Он перечёл записку. Готов был побиться о заклад, что

здесь есть ошибки, но уже так давно он ничего не читал, что не мог понять, где. В конце концов он её просто свернул и сунил в карман, отдал девочке карандаш и быстро пошёл обратно к дому.

Там он бросил записку в окно, протиснув её между досок, которыми была забита рама, и быстро ушёл. На ходу он несколько раз обернулся, но не увидел никого.

Добравшись до заброшенного склада, он нашёл там своих попутчиков. Кроме них, там был молодой рыжий оборотень, красивый и крепкий, как сентябрьский боровичок. Приветственно кивнув Тальнару, он тут же распрощался с ним и остальными и ушёл в лес. Тальнар сел на бочку и повернулся к Аврасу:

– Кто это был?

– Паренёк из стаи Морики, – отозвался тот. – Встретил его в городе. Околачивался возле рынка, совсем мозги потерял – никакой бдительности! Морики и ещё кое-кто из верушки стаи в эти два дня охотятся подальше отсюда, вернуться только сегодня к ночи. Тогда и пойдём туда. Парень будет нас ждать возле кладбища. Ты чего такой бледный?

– Ничего, – помотал головой Тальнар. Чтобы скрыть волнение, он вышел наружу.

Уверенности в том, что Веглао – если это была она – прочитала его послание, у него не было, честно сказать, никакой. Но всё оставшееся до шести часов время он провёл как на иголках. Даже Аврас спросил, не выдержав:

– Муравьёв тебе, что ли, кто-то в штаны напустил? Хватит маячить у меня перед глазами, поспи лучше.

Выступить они решили после девяти часов вечера, когда улицы Тенве окончательно пустели. Времени оставалось ещё много, и Пёсья голова мирно спал, растянувшись на двух досках, положенных поверх пустых бочек. Вскоре его примеру последовал и Аврас. Он улёгся на сдвинутые ящики, закутавшись в свою хламиду, и вскоре до Тальнара уже доносилось его тихое похрапыванье.

Судя по всему, они не собирались просыпаться до девяти. В половине шестого Тальнар, опустившись на колени перед спящим Аврасом, тихонько растолкал его и сообщил, что пойдёт поищет чего-нибудь поесть. Тот, не открывая глаз, проворчал что-то насчёт того, что из-за чьего-то обжорства им могут прищемить хвост. Приняв это как напутствие, Тальнар закутался в свой плащ и вышел на улицу.

Он добирался до круглой башни тёмными улочками, не встретив на своём пути никого, кроме одинокого местного забулдыги, судя по всему, вдрызг пьяного и потому не заметившего Тальнара. За десять минут до назначенного времени Тальнар пересёк пустырь, заросший комковатой прошлогодней травой, и подошёл к круглой башне. Над её дверью висела табличка с надписью «Обсерватория». «Интересно, работает ли она сейчас? – отстранённо подумал Тальнар, направляясь к небольшому приземистому дому, стоявшему неподалёку.

В этом трактире было тесно, шумно и в это время почти всегда темно, поскольку лампы по вечерам хозяин из экономии включал только в семь часов, а окошки, прорубленные под самым потолком, были такими маленькими, что не могли пропустить достаточно света. Сейчас, едва Тальнар вошёл сюда, его со всех сторон окружили шум, гам, хохот, крики, громкие голоса, ругань, среди которых почти совершенно потерялась мелодия песни «Поезд на север», которую в углу играл старенький шипящий патефон. В воздухе стоял пар, вылетающий из ртов только что вошедших, и смесь запахов пота, перегара, сигаретного дыма, жареного лука, чёрного хлеба, мокрой одежды, солёного сала, пива и водки. Тальнар прошёл к одному из дальних столов, за которым никого не было – вероятно, потому, что он стоял дальше всех и вдобавок не под окнами, так что темнота и вонь становились здесь прямо-таки невыносимыми.

Да, плохое место для свидания, подумал Тальнар, садясь на скамью и оглядывая грязный стол с пятнами чего-то липкого и разбросанными окурками. Но зато здесь сразу больше вероятность, что их не подслушают.

К нему подошёл трактирный слуга – высокий парень лет двадцати пяти в замызганном фартуке. Тальнар заказал чай. Слуга скривил некрасивое, испитое лицо, когда Тальнар протянул ему грязную, липкую монетку в один ном, которую нашёл на пороге, но чай через некоторое время всё-таки принёс. Вкуса у напитка не было никакого. Тальнар отпил

пару глотков и отставил чашку в сторону.

Он тяжело опёрся руками на столешницу, совершенно не ощущая брезгливости – его одежда и так была грязнее некуда, – и опустил голову на ладони. Словами не передать всего того, что он чувствовал в эти минуты – и страх, и надежду, и трусливое желание убежать, и твёрдую решимость увидеть её во что бы то ни стало. Хотя бы убедиться, она это или не она...

На стол перед ним опустились две маленькие ладони. У Тальнара перехватило дыхание. Он хотел сглотнуть, но горло перехватило от волнения, и тогда он медленно поднял голову.

Да, это была она.

Она была в той же грязной ветровке с туго обхватившим голову капюшоном и коротковатыми рукавами. Лицо было бледным, похудевшим, его иссушили пережитые страдания, но это несомненно была Веглао – и как он только мог сомневаться?

Несколько секунд они смотрели друг на друга, не находя ни единого слова. С самого первого мига Тальнаром потихоньку стало овладевать страшное отчаяние, и в ту секунду, когда оно стало совсем невыносимым, Веглао вдруг тихо проговорила:

– Тальнар, неужели правда ты?

– Да, я... – прошептал он и вдруг заплакал, сам не понимая отчего – не то от радости, что вновь видит её, не то

от горьких воспоминаний, которые она вызвала.

Опустив голову, он тихо плакал, глядя на свои руки, и вдруг увидел, как маленькие исцарапанные ладони легли на них и тихонько сжали. Веглао неслышно опустилась на скамейку напротив него, держа его руки в своих и ничего не говоря, но теперь молчание уже не казалось вынужденным и неприятным – напротив, слова были вовсе не нужны.

В какой-то момент Веглао вдруг тихонько погладила большим пальцем ладонь Тальнара – и тут же, словно испугавшись этой сдержанной ласки, отдернула руки. Но теперь уже Тальнар сам схватил её ладони.

– Я думал, ты умерла, – сказал он хриплым от слёз голосом и заставил себя наконец-то поднять голову и посмотреть на неё прямо. Веглао улыбнулась незнакомой кривой улыбкой:

– Мне везло.

У неё было два шрама на лице. Один – слева на нижней челюсти, ровный и белый, вертикально уходивший со щеки на шею. Вторым, начинавшийся на лбу, наискосок пересекал правую бровь и исчезал под капюшоном. К нему прилипла тонкая ниточка серой паутины... нет, не паутины, вдруг со страхом догадался Тальнар.

– Сними капюшон, – проговорил он.

– Зачем? – смутилась Веглао. – Здесь не жарко.

– Сними, – взмолился он, и Веглао, высвободив одну руку из его ладоней, нехотя растянула резинку, сдерживающую

капюшон, и откинула его.

Её волосы, прежде тёмно-русые, почти чёрные, стали совсем седыми. Они были чуть темнее снега, чуть светлее волчьей шерсти. Тальнар задрожал, как в лихорадке.

– Что я наделал, – прошептал он. – Что я наделал!

– Тише, – предупредила его Веглао, поднося палец к губам и вновь накидывая капюшон на голову. – Не хочу привлекать внимание.

– Веглао!.. – Тальнар схватился за голову, глядя на неё в ужасе.

– Я так сильно постарела? – проговорила Веглао с непередаваемым выражением. Тальнар прерывисто вздохнул.

– Зачем ты позвал меня сюда? – деловито осведомилась девушка.

– Я... я увидел тебя сегодня в доме на окраине.

– А как ты здесь оказался?

– Я здесь не один, – сказал Тальнар, забывшись. – Со мной ещё двое. Мы идём кое к кому, так сказать, с посланием... – Тут он осёкся, вспомнив, что их миссия, в общем-то, секретна.

– Куда идёте? – чуть настороженно переспросила Веглао.

– Ну... эм... – Тальнар замялся, не зная, что сказать. Веглао молча глядела ему прямо в глаза. Какой тяжёлый, сверлящий у неё теперь взгляд!

– А где ты живёшь? – беспомощно попытался он перевести разговор на другую тему, но Веглао вдруг тихо ахнула

и отшатнулась. Её руки вздрогнули.

– Кривой Коготь? – прошипела она. – Он тебя сюда отправил?

– Нет! – испуганно воскликнул Тальнар. Но прозвучало это не как «Нет, не он!», а как «Нет, не надо меня спрашивать!»

– Что ты врёшь?.. – проговорила Веглао, качая головой. Тонкая, еле заметная складочка в уголке её рта обозначилась, стала глубже. – Так ты в его стае. Думаешь, я не поняла?

– Веглао! – взмолился Тальнар, крепко сжав её руки. – Послушай, я сам этому не рад! Но у меня не было выхода, понимаешь?

– А у меня был выход? Он убил Ригтирна! – Веглао говорила тихо, но в её голосе слышалось рычание: она еле сдерживала рвущийся наружу крик горя и гнева. – Он зарезал моего брата! А сам до сих пор жив, и ты, ты ему прислуживаешь, подчиняешься ему, как... как пёс!

Она резко вырвала свои ладони из его рук и столкнула локтём забытый на столе стакан. Тот упал и со стуком покатился по столешнице, но не упал: специально для таких случаев столы в трактире были снабжены невысокими бортиками по краям.

– Тише! – ахнул Тальнар: на них обернулось несколько работяг за соседним столом. – Мне и так тяжело, а ты не хочешь слушать...

Молча, не говоря ни слова, Веглао скрестила руки на гру-

ди.

– Куда ещё я мог пойти? – шёпотом попытался Тальнар воззвать к её благоразумию. – В ликантрозорий? Да уж лучше в петлю!

– Я была там, – холодно возразила Веглао. – Жива, как видишь.

– Была в ликантрозории? В каком? – вытаращил глаза Тальнар: насколько ему и другим было известно, мало кто выходил живым из ликантрозориев.

– А какой три года назад разгромил твой вожак? – прищурилась Веглао. – Не четырнадцатый, случайно? Так вот в нём я и была. И хорошо ещё, что успела уйти до того, как туда пришёл Кривой Коготь.

– Знаешь, – тихо сказал Тальнар, – я никак не думал, что ты окажешься такой... такой стойкой. Ну ладно, оттуда сбегали, были случаи. Но как же... ты знаешь... Морика говорила, что ослепила тебя...

– Морика? – переспросила Веглао. Глаза её загорелись огнём такой ненависти, что Тальнар невольно подумал: не завидует он Морики. С таким взглядом человек готов на какую угодно месть. – А она это сказала лично тебе?

– Я случайно услышал, как она говорила это вождю. Ещё перед тем, как она ушла сюда... – Поняв, что проговорился, он резко замолчал.

– Всё понятно, – сказала Веглао ужасным холодным голосом. – Это к ней ты идёшь с посланием?

– Да, – вздохнул Тальнар и отвёл взгляд.

– Как ты мог, Тальнар? – тихо спросила девушка. – Нет...

Ладно, я догадываюсь – ты боишься, что он тебя убьёт. Поэтому выполняешь всё, что он тебе прикажет.

– Он мне ничего не приказывает. Если хочешь знать, ему наплевать на меня. Думаю, он просто меня презирает... как и ты, – прошептал Тальнар.

– Я не презираю тебя, – смутилась Веглао. – Я просто тебя не понимаю.

– А ты попробуй понять, – сказал он, взглянув на неё страдающими глазами. – Люди ненавидят нас, Веглао. Они боятся нас, гонят отовсюду, они убивают нас, они стреляют, режут, вешают! «Смерть волкам» – вот всё, чего они слушаются! «Смерть волкам» – и всем бедам конец!.. Никто не хочет видеть то, что мы тоже хотим жить, жить спокойно!.. Да что я говорю – ведь ты и сама всё знаешь. Кривой Коготь даёт нам то, чего от людей нам не дожидаться. Знаешь, что это? Справедливость.

– Справедливость? Что ты называешь справедливостью – убийство твоего отца?

Тальнар медленно поднял голову, и впервые за всё время их встречи испугалась Веглао, а не он. Что-то новое появилось в его глазах, то, чего она никогда прежде не видела в Тальнаре.

– Мой отец, – отдельно произнёс юноша, – сам заслужил свою участь. Он никогда не хотел даже подумать о том, что

есть что-то выше его пониманий. Он бы убил меня, если бы узнал, что я оборотень.

– Тальнар, Тальнар, что ты говоришь?! – тихо вскрикнула Веглао, чуть не расплакавшись. – Да если бы твой отец слышал тебя сейчас, он бы сгорел от стыда! Ты сам-то веришь в этот бред?

– Да, я верю! – запальчиво выдохнул Тальнар.

– Проклятье! – прошептала Веглао.

– Что?.. Что ты сейчас сказала?

– Я сказала «проклятие».

– Уж не меня ли ты проклинаешь?

– А зачем? Ты и так уже проклят. И я. И Кривой Коготь, и Морика, и все оборотни прокляты. Коготь всех нас заразил своим проклятием.

– Вот и ты мыслишь, как мой отец, – с грустной улыбкой покачал головой Тальнар. – Тоже не хочешь взглянуть шире. Да ведь это дар, а не проклятие! Вождь научил меня этому, всех нас научил! Посмотри на себя – ты видишь в темноте, ты прекрасно слышишь, обоняешь, ты чуешь других волков, любые раны заживают на тебе так быстро, как на людях никогда не будут заживать! И за всё это такая ничтожная плата – раз в месяц терять над собой власть... Ты, и, я уверен, все, кто не слушал вождя, думают лишь о побочных эффектах, но не о самой сути!

Он замолчал. Он ждал, что Веглао заспорит, что она расстроится, разозлится, быть может, заплачет. Но вместо это-

го Веглао придвинулась к нему, нагнулась к его уху и глухо проговорила:

– Мало быть этой тварью раз в месяц? Хочешь стать ей навсегда? Ну и пожалуйста! А меня не впутывай.

Она с грохотом отодвинула свою скамью, резко встала и ушла, ни разу не обернувшись. Тальнар приподнялся, хотел окликнуть её, но она уже скрылась среди других посетителей. Потом до него донёлся стук двери.

Тальнар тяжело упал на скамью. Взгляд его нечаянно наткнулся на стакан с чаем. Он взял его и выпил. Затем поднялся, незаметно спрятав стакан под плащ, и выскользнул наружу прежде, чем его мелкую кражу успели заметить.

На улице было холодно. Розовый закат мягко цвёл над далёкими домами. Воздух пах печным дымом, мусором и пылью улиц, влажной землёй, и эти запахи мешались с вонью трактира. Запахивая плащ получше, Тальнар прошагал по пустырю до круглой башни. Там он остановился, несколько раз тяжело вздохнул, а потом от души запустил стакан в стену башни. Брызнули мелкие осколки и остались лежать в траве, отражая розовое небо. Тальнар не успокоился, пока не передал им все. Потом он пошёл на окраину, уверяя себя, что дрожит от холода, а не по какой-нибудь другой причине.

Опечаленная и разозлённая Веглао возвращалась домой. Слова Тальнара не шли из головы, но теперь в мыслях Веглао их уже произносил сам Кривой Коготь. Она почти видела, как кривится от злобы его лицо, почти слышала его голос. Думать об этом было неприятно. У Веглао было такое чувство, будто она прикоснулась к какой-то скверне.

«Справедливость... Вот что такое справедливость... И они верят ему! Ах, Тальнар!.. Как ты смел такое говорить? И кому?! Мне!»

В этот момент она в приступе ярости ударила кулаком по стволу дерева.

В такие минуты, как эта, когда Веглао целиком овладевал гнев, ей казалось, что всё то, что произошло за эти долгие месяцы, было напрасно. Что она совершенно зря день за днём приучала своё тело к боли, холоду, неудобству, свои глаза – к зрелищу страданий и смерти, свою душу – к спокойствию, твёрдости и решимости. Всего одна встреча с тенью прошлого – и вот уже неустанное превращение самой себя в железный клинок намарку, она снова маленькая девочка, напуганная и сердитая. Она могла бы заплакать от ярости, но слёз у неё больше не было.

Понуриив голову и сжав кулаки, она шла давно знакомой дорогой, почти не глядя на неё. За долгое время девушка

уже настолько изучила все окрестные тропинки, что ей даже не приходило в голову, что, окажись здесь кто-нибудь из обычных людей, он наверняка не нашёл бы пути. Тем более в темноте. А шла она сейчас именно в темноте – была ночь, а сон от всех переживаний не шёл. Отлично, как и всякий оборотень, видевшая ночью, Веглао быстро и бесшумно скользила между высокими пихтами, увешанными мхом-бородачом, между муравейниками, гигантскими валунами, кустами голубики и красной смородины, между укутанными папоротником поваленными деревьями, через лениво серебриющиеся под прибывающей луной ручейки.

Через несколько часов, едва забрезжил рассвет, Веглао уже спускалась по курумнику совсем рядом с тем усыпанным камнями склоном, на котором она и Октай памятной весной три года назад встретили грифонов. Здесь Веглао вновь увидела грифона. Это был не кто иной, как Бирлюс, за последние годы ставший для ребят если не другом, то уж точно хорошим знакомым.

– Здравствуй, Бирлюс, – удивлённо сказала Веглао, подбегая к нему. Раньше грифон никогда не встречал ни её, ни Октая.

– Здравствуй, – с видимым трудом ответил Бирлюс. За то время, что он знал оборотней, грифон не особо поднаторел в тонкостях человеческого языка, но всё же его лексикон значительно увеличился.

– Сядь, – предложил он, опускаясь на колени.

– Спасибо, – устало ответила Веглао и взобралась на его спину, привычным уже движением вцепляясь в толстую кожаную складку под перьевым воротником. Взлетать с места, особенно с кем-то на спине, Бирлюс умел плохо, вот и сейчас он разбежался, покачиваясь на камнях, и лишь потом взлетел.

Холодный воздух ударил Веглао в лицо, затрепал выбившиеся из-под капюшона волосы. Глубоко вздохнув, она чуть пригнулась к шее грифона и, щурясь, засмотрелась на горы.

Отсюда, с высоты было видно, как на востоке розовеет небо, которое над головой было ещё синим и звёздным. Там, в стороне рассвета, лежат Туманные Скалы, а за ними – Тонское королевство.

Веглао ко многому привыкла за последние годы: к опасности, холоду, к тому, что приходится самой добывать себе пищу, к тому, что люди охотятся на неё, как на зверя – но не могла привыкнуть к двум вещам: к своим превращениям и к красоте Лесистых гор.

Они протянулись далеко на север, восток и юг, и сейчас дремали, окутанные, словно бородой, лесами и утренними туманами. Пихты пронзали воздух своими острыми верхушками, кедры, стройные, как корабельные мачты, стояли гордо и неподвижно, а молодые тонкие сосны шевелили ветвями на нежном ветру. Стволы деревьев окутывал слабый туман, и видны были лишь их кроны.

Далеко впереди блестела Орра – большая река, что начи-

налась в глубине Лесистых гор и текла на запад. На её пути было немало водопадов и порогов, и один из самых больших водопадов находился совсем рядом с домом Веглао и Октая. Перед тем, как низринуться в глубокую пропасть, возникшую когда-то из-за землетрясения, Орра текла по чудесной местности. Здесь росло множество деревьев, и не только пихты и кедры, но и дикая вишня и рододендроны, каждую весну превращающие это место в какое-то подобие рая. Землю между ними покрывал мягкий мох, в том числе и совершенно неизвестный внизу вид, раз в месяц во все времена года, кроме зимы, выпускающий стрелки голубых цветов. Пройдя через этот красивый уголок и миновав водопад, можно было выйти на край пропасти, по которой Орра текла дальше. Шагах в двухстах от водопада в Орру впадал маленький ручеёк. Он тоже падал в неё со скалы, но этот водопад был очень узок и не так впечатляющ, как первый.

Возле этого ручейка рос огромный старый кедр. У его корней в земле было отверстие, от которого начинался ход, ведущий в неглубокую пещеру между корнями дерева.

Кедр был уже неживой. За несколько лет до того, как сюда пришли Веглао и Октай, он засох, и только его огромные размеры и крепость мешали горным ветрам свалить его. Но во время зимних бурь ветер иногда ломал ветви несчастного старика и уносил их в реку.

Веглао услышала шум водопада, а потом увидела кедр. Бирлюс медленно спустился, и она съехала с его спины.

– Спасибо, – сказала она, погладив кожистую шею грифона. – Полетишь домой?

– Домой, – глухо каркнул Бирлюс. – Хорошо...

– А?

– Хорошо, – упорно проговорил Бирлюс, – хорошо...

– Погода хорошая? Охотиться хорошо сейчас? – начала помогать ему Веглао.

– Хорошо, ты здесь, – высказался наконец Бирлюс. – Октай страшно. Он говорит Бирлюсу.

– Да и я рада, что вернулась. Спасибо, Бирлюс. Лети.

Грифон важно кивнул лысой головой, которая показалась бы пугающей любому, не знавшему его дружелюбный характер, и, по-кошачьи ставя лапы на одну линию, подбежал к краю пропасти и взлетел в небо.

Зимой, чтобы не было так холодно, Веглао и Октай спали в одной постели, а летом растаскивали свои лежанки по разным углам. Сейчас, спустившись вниз и усевшись на свою постель, Веглао задумчиво посмотрела по сторонам.

Октай мирно спал. Тлеющие угольки в очаге отбрасывали на его лицо, пересечённое шрамом, красноватые отсветы. В глиняном горшочке, уютно расположенном между камней у очага, были кусочки зайчатины, сваренные вместе с кореньями, но Веглао не хотелось есть. Сбросив свою ветровку и оставшись в рубашке поверх майки, она сняла ботинки и легла.

Лежа на спине, закинув руки за голову, она думала о Кри-

вом Когте. В её памяти всплывали хитрое лицо и рыжая борода, кровавый отпечаток покалеченной руки на стене, мёртвый Ригтирн, виноватое лицо сильфа, и бессильная и оттого ещё более горькая ярость просыпалась в её сердце.

Веглао не слышала речей Кривого Когтя, не сталкивалась лично с его ораторским талантом, но даже в слабом пересказе Тальнара его слова взволновали её. Она никогда не глядела на своё несчастье, свой позор с такой стороны. Ведь, в самом деле, было в этом какое-то здоровое зерно... Разве можно считать злом то, что быстро излечиваются раны? Да без этого она бы давно погибла! А способность чувствовать присутствие оборотней – разве плохо? И то, что они ещё тогда, в лесу неподалёку от Станситри, отпугивали своим присутствием опасных диких зверей, тоже здорово им помогло. Но не слишком ли высокую цену она заплатила за это? Став оборотнем, она лишилась дома, потеряла единственного родного человека. Оборотничество, как клеймо, сделало её чужой для всего мира.

Она была оборотнем меньше четырёх лет, но видела и испытала больше, чем за тринадцать лет до этого. А Кривой Коготь был оборотнем, ещё когда её не было на свете. Сколько ему было лет, когда его обратили? Сколько вообще ему лет? Веглао прикинула мысленно – когда Кривого Когтя поймал Лантадик, оборотень, по слухам, был уже немолод, а с тех пор прошло без малого двадцать лет. Получается, больше пятидесяти. Сколько же он перевидал жестокостей,

крови, смертей, страданий за это время! Сколько сам причинил! И после этого ещё смеет утверждать, что ликантропия – это благо, это дар? Бред!

Веглао сжала руки под головой в кулаки. Она подумала о том, что за эти три с лишним года, за сорок два месяца, сорок два полнолуния превращения её не стали менее мучительными. Как и прежде, она вопила от боли и, обезумев, рвала на клочки и всё окружающее, и собственное тело. А придя в себя, некоторое время не могла даже пошевелиться, не то что встать на ноги. Она очень хорошо знала, каково это, когда зверь внутри тебя вырывается на свободу.

Сначала – резкая боль в сердце, как будто кто-то крюком подцепил его снизу и проткнул до самой середины, в которой обычно и дремлет, свернувшись, оборотень. И сквозь эту проложенную для него дорогу он быстро выползает наружу и заполняет всё тело. Твою душу выдавливает медленно, по капельке, забивая её в какой-то отдалённый закуток, откуда она может лишь беспомощно наблюдать за происходящим. Руки и ноги тяжелеют, затылок начинает болеть, как от опьянения, тело одновременно страшно напрягается и слабеет настолько, что нет сил пошевелиться, и начинается сильная, страшная дрожь, в которой запросто можно набить себе синяки, колотясь об окружающие предметы. А потом приходит боль. Невероятная боль, словно кто-то вытаскивает из твоего тела каждую косточку и заменяет её на косточку монстра. И ты кричишь, кричишь изо всех сил, воешь,

извиваешься, грызёшь и царапаешь самого себя, пока боль не достигает такой точки, за которой следует смерть. И тогда – только тогда – прекращается.

А на смену ей приходит такая ненависть, такое желание кусать, рвать, убивать, которое невозможно насытить. Нет больше родителей, друзей, сестёр и братьев – есть только тёплые мягкие человеческие тела, которые хочется кусать, горячая солёная кровь, которую хочется пить, вопли и стоны, которые хочется слушать. Потом всё это пройдёт... и через двадцать восемь дней опять повторится.

И так будет всегда.

Когда Веглао наконец заснула, ей приснился страшный сон, уже виденный ею однажды. В прошлый раз (это было несколько месяцев назад, перед самым полнолунием) она от этого сна закричала так громко, что спавший рядом с костром Октай с перепугу проснулся, зашарил руками по земле рядом с собой в поисках ножа, и спросонья угодил ладонью прямо в тлеющие угли. Веглао спустя секунду тоже проснулась – от вопля своего бедного друга.

В этом сне она снова попала в тот большой дом, который у неё ассоциировался с её собственной душой. Чем-то он был похож на тот старый особняк, в котором её и Октай когда-то поймали охотники на оборотней, но всё же существенно от него отличался. В этом доме было несколько этажей и множество комнат, некоторые из которых были открыты, некоторые – закрыты, но ключи от замков всегда были в распоряжении Веглао. В одной из таких закрытых комнат лежал мёртвый Ригтирн – кровь с его тела смыта, рана на шее прикрыта воротником рубашки, и само тело мягкое и тёплое, без всяких признаков разложения. Над ним можно поплакать, к нему можно крепко прижаться и вообразить, что брат еле слышно дышит во сне, но оживить его никак нельзя. В других крепко закрытых комнатах спят мёртвым сном её родители, её братья и сестра. Каждую

из них Веглао может открыть – у неё есть ключи от всех комнат.

Но одну она не открывает никогда. Её и не надо открывать – каждое полнолуние зверь, который прячется за дверью, срывает её с петель. И тогда Веглао остаётся только спрятаться где-нибудь в укромном уголке, пока не наступит утро. А утром дверь чудесным образом оказывается целой, невредимой и крепко запертой...

Вот только зверь за ней все оставшиеся до полнолуния дни и ночи бродит, рычит, воеет и скребётся, замолкая лишь изредка. А этой ночью он почему-то молчит. Веглао подходит к двери – там совсем тихо. Но ведь чудовище не может заснуть, оно никогда не засыпает. Веглао прижимается к двери ухом и понимает: дверь не заперта!

Веглао судорожно вздыхает – судя по всему, ей надо найти зверя, пока он не нашёл её. Она поворачивается к двери спиной, медленно и бесшумно идёт по глухому, без окон, коридору.

Она заглядывает в одну комнату, в другую, в третью. Всюду тихо и пусто. Занавески слабо шевелятся от ночного ветерка, который проникает сквозь чуть приоткрытые окна. Свет луны и звёзд лежит на полу и стенах мягкими размытыми бликами. Зверя нигде нет, и Веглао начинает нервничать ещё сильнее. С внезапным ужасом она резко оборачивается, вообразив, что монстр неслышно идёт за ней – но нет, позади никого нет, только уходящие в темноту дос-

ки пола.

В поисках его она обходит почти весь дом, кроме запертых комнат, куда он уж никак не мог забраться. Руки Веглао дрожат, когда она толкает очередную дверь.

Какая-то странная комната – Веглао даже не помнит, когда это она в последний раз сюда заходила. Крадучись она проходит почти на середину, оборачивается к одной стене и замирает.

Вот он, стоит и смотрит на неё своими жёлтыми глазами. Сгорбленная спина, лохматая шерсть чёрная, как сама темнота. Кошмарное существо напугало бы любого, но у Веглао не от его вида зашевелились волосы и сердце наполнилось яростью и страхом. Зверь смотрит на неё из зеркала. Высокого, под потолок, зеркала в красивой старинной раме.

Веглао в ужасе приоткрывает рот, и зверь в ответ приоткрывает пасть, полную острых зубов. Ноги девушки подкашиваются, она хватается рукой за стену, и рука скребёт по обоям длинными когтями, растущими из покрытых чёрной шерстью пальцев.

– АААА!!!! – заорала Веглао, резко вскинувшись и метнувшись в сторону. Тут же её голову пронзила сильная боль от удара – спросонья девушка налетела на стену пещеры. Со стоном, ничего не видя от боли, она повалилась обратно.

Земля рядом с ней дважды вздрогнула, и проснувшийся Октай схватил её за плечи обеими руками:

– Что... Когда ты... Что случилось?

– Ничего, – выдавила Веглао. – Ложись спать.

– Когда ты вернулась? – спросил Октай.

– Недавно, – невнятно пробубнила девушка, закутываясь в одеяло с головой. – Прости, что разбудила...

– Уже утро, – заметил Октай.

– Я была больше суток на ногах. Посплю ещё немного...

– Что-то случилось? – серьёзным голосом спросил Октай, положив руку на её плечо. Веглао вздохнула и высунулась из-под одеяла:

– Почитай газеты. Я посплю ещё час или два, а потом обо всём поговорим. Сейчас голова вообще не варит.

– Ладно, – кивнул Октай. Девушка вновь завернулась в одеяло и почти мгновенно провалилась в глубокий сон.

Спустя некоторое время она проснулась резко, как от толчка. В пещеру сверху лился бледный рассеянный свет. В дурном расположении духа Веглао откинула одеяло, поднялась, вышла из пещеры и, кутаясь в куртку, огляделась по сторонам.

День выдался туманным и зябким. Октай сидел на камне на краю пропасти. Неподалёку от него между камней вяло шевелились язычки огня, а над ними висел котелок с чаем, от которого поднимался парок. Услышав её шаги, юноша повернулся и улыбнулся ей.

– Ну, как спалось? – спросил он, когда Веглао подошла и села с ним рядом. – Классная куртка, кстати.

– Да, я напала на одинокое пугало у дороги и ограбила его.

– Как там, внизу?

– Сыро и грязно, – отозвалась Веглао. – Ты чего-то боишься?

– Боюсь? – Октай непонимающе изогнул брови.

– Бирлюса ночью видела. Он сказал, что ты чего-то боишься.

– А, – хлопнул себя ладонью по лбу Октай. – Я ему, наверное, сказал, что за тебя беспокоюсь. Не бери в голову. Ну, что слышно? Мы внизу с осени не были.

– И правильно делали, – сквозь зубы ответила Веглао. – Я принесла немного газет. Они в пещере лежат, можешь посмотреть. Но если честно, там сплошная вода. Происходит много плохого, и понятно, что никто не хочет пугать народ...

Она мрачно посмотрела в пропасть. На дне её клубился туман, сквозь который лишь с трудом можно было рассмотреть серую ленту реки.

– Обратней стало больше, – хмуро заговорила Веглао. – Снова повсюду висят объявления насчёт ликантрозориев – помнишь, я такое приносила. В Тенве много бездомных, жители на них смотрят, как солдат на вошь – подозревают оборотней. В газетах написано, что дальше на запад бездомных даже ловят. Меня тоже чуть не поймали.

– Как ты ушла?

– Скрылась в одном из домов. В Тенве теперь целые кварталы не заселены. Люди бегут, и, кажется, я знаю, почему.

– Что такое?

– Недалеко от города находится стая. А вожак – Морика.

Октай так и подскочил.

– Морика?! Ты её видела?!

– Да нет, конечно. По городу висят объявления о розыске, там написаны приметы многих оборотней, ну и её в том числе. С такой приметной физиономией она в город вряд ли сунется. Нет, мне кое-кто про неё рассказал.

– Кто?

– Я сразу, как пришла в Тенве, поняла, что там ещё есть оборотень, кроме меня. И стаю, конечно, почуяла – она где-то в лесу, в стороне от города. Я решила ночью отправиться поискать его, но он сам меня нашёл.

– И... и так просто рассказал тебе, что рядом есть стая? Подожди! Он твой знакомый?

– Да, – с неожиданным трудом ответила Веглао. – Его зовут Тальнар. Он... Он меня укусил.

Обернувшись к Октаю, она изумлённо спросила:

– Что с тобой?

Лицо Октая перекопилось от гнева и отвращения.

– Он тебя укусил, – проговорил он сквозь зубы, – а ты ещё с ним разговаривала?

– Да, и что?

– Как – что? Да ты понимаешь, что он теперь, прежде к тебе ближе чем на десять метров подойти, тебя засыпать извинениями должен?! Подонок! Жаль, меня там не было, я бы

ему башку...

– Извинения ничего не исправят, – резко осадила его Веглао. – И он жалеет об этом. Очень жалеет. Уж поверь.

– Это было неосторожно, понимаешь ты или нет! – рявкнул Октай. – Послушай: если он знает о том, что это за стая и какого лешего здесь ошивается Морика, значит, он вполне может рассказать ей о том, что видел тебя здесь!

– И что? Я не сказала ему *ничего*, Октай, о том, где мы живём и какие у нас планы! Если ты думаешь, что я просто так взяла и всё растрепала, тогда...

– Да не думаю я! – воскликнул Октай, но его лицо при этих словах густо покраснело, и пересекавший его белый шрам от давнего удара грифона ярко забелел. – А ты с чего думаешь, что он тебе не врал?!

– Я ему верю, вот и всё, – твёрдо сказала Веглао. – И ты бы поверил, если бы видел его и говорил с ним.

Октай смотрел прямо на неё, сердито и оскорблённо.

– Ты всё ещё любишь его, – бросил он. Веглао показалось, что её ударили. Она уставилась на Октая, ничего не понимая.

– Что... как ты... откуда тебе... – она беспомощно открывала и закрывала рот, как пойманная рыба. Она не любила Тальнара. Она жалела его, она была обижена на него, и ни капельки его не любила – теперь. Раньше, когда она была младше... но как Октай мог узнать?

– Иногда ты говоришь во сне, – безжалостно продолжал Октай. – И ты никогда не рассказывала, кто укусил тебя.

– Ты тоже!

– Но ведь я-то не знаю! А ты говорила, что тебя укусил знакомый, но не называла его имени, а потом ты говорила, что любила одного парня, а он с тобой обошёлся гадко, по-настоящему гадко, но ты не можешь его обвинять, потому что ты тоже повела себя как дура...

– До сих пор помнишь, что я говорила?

– Да, помню. И знаешь, Веглао, я хоть и закончил всего три класса, сложить два и два смогу при случае. Ты говорила об этом самом Тальнаре. Ты в него влюбилась. Он укусил тебя. И ещё после этого смел говорить с тобой, и ты не оттолкнула его от себя!

– Октай!!

Веглао вскочила на ноги.

– *Он не владел собой, ты понимаешь?!* Он оборотень, как и я, и ты, если ты не забыл! Оборотень! Оборотень, а не человек! Будто ты сам не знаешь, каково это – в полнолуние не знать, что делаешь...

Октай, недавно залившийся краской, теперь резко побледнел так, что его смуглое лицо стало белее тумана. Он тоже вскочил на ноги, при этом сильно покачнувшись и едва не упав в пропасть, но Веглао была так зла, что даже не испугалась за него.

– Да знаю я, что такое полнолуние! Я убил свою маму! Я напал на неё, я до сих пор помню, как она кричала! Ты думаешь, если бы она осталась жива, я осмелился бы подойти

к ней, заговорить с ней?

– При чём здесь...

– При том! Ты не знаешь, каково это – знать, что любимый человек погиб из-за тебя, что ты сам...

– Не знаю? Я – не знаю?!

До этого они никогда не ссорились. Нет, конечно, споры и размолвки бывали и раньше, особенно перед полнолуниями, но они быстро заканчивались и не оставляли после себя никаких воспоминаний. А теперь ребята так разозлились, что начали кричать и осыпать друг друга обвинениями. Слова, одно обиднее и злее другого, цеплялись друг за друга, и вот уже Октай, схватив свою куртку, размахисто зашагал в лес, всем видом выражая негодование. Веглао даже не окликнула его. Она выместила ярость на небольшой гряде хвороста, которую принёс Октай, пинками раскидав сухие ветки, и ушла в другом направлении.

Они не разговаривали до самого вечера. Веглао даже не притронулась к зайцу, которого он приготовил накануне – отдельно для себя она поймала двух рыбёшек в ручье и поджарила их на огне. Когда стемнело, Веглао вернулась домой. Октай был уже там. Они посмотрели друг на друга, но не сказали ни слова. Веглао прошла к своей постели и легла, завернувшись в одеяло. Октай взял одну из растрёпанных книг, которые они приносили со свалки, и уткнулся в неё, но Веглао знала, что он не читает. Когда Октай читал, это можно было понять по его лицу: он хмурил брови, шевелил

пухлыми губами, улыбался, щурил глаза. А сейчас его лицо было совсем неподвижным. Веглао некоторое время смотрела на него, потом отвернулась к стене и закрыла глаза. В голове у неё царил полнейший сумбур. Она горько раскаивалась за своё поведение сегодня утром. Как она могла напомнить Октаю о смерти его мамы, когда ему так тяжело об этом вспоминать? Не говоря уже о том, что ссора помешала им обсудить самую важную проблему за последние три года – появление Морики. Но в то же время она злилась на Октаю за его подозрения, которые казались ей нелепыми и обидными, за то, что он решил выяснять отношения, когда нужно было беспокоиться кое о чём куда более важном. Только то, что долгое путешествие и плохой сон совершенно её вымотали, помогло Веглао уснуть.

Следующим утром мизансцена была та же, только погода переменилась: туман рассеялся, и весеннее солнышко ласково улыбалось с яркого, как сапфир, неба. Опять Веглао вышла из пещеры и опять Октай сидел у пропасти, свесив ноги. Оглянувшись на шаги девочки, которая при виде этого остановилась, он неторопливо поднялся и подошёл к ней. Веглао заметила, что волосы у него растрёпаны, а лицо измождённое и измятое, будто он не спал всю ночь.

– Я уйду, – коротко сказал он. – Сегодня спускаюсь в Тенве. Разведаю там, что к чему. Если не вернусь через три недели, ты знаешь, что делать...

Веглао заставила себя кивнуть. Ей хотелось крепко об-

нять Октай и попросить у него прощения, попросить остаться и поговорить с ней, придумать план вместе, но что-то помешало ей это сделать. Вместо этого она кривовато улыбнулась и сказала:

– Желаю удачи.

Октай кивнул, потом вернулся к костру и подобрал лежащий возле него заплатанный рюкзак, который Веглао вначале не заметила. При виде того, как он деловито закидывает рюкзак за спину и поправляет сбившуюся под ляжками куртку, она почувствовала острый укол стыда и тоски.

– Ты что, уходишь уже сейчас? – воскликнула она. Октай обернулся. В ярком утреннем свете было ясно видно, что его лицо опухло от бессонницы, а глаза покраснели. Угрюмый, растрёпанный, в мешковатой одежде, он казался решительным и беззащитным одновременно.

– А чего ждать? – пожал он плечами. – Она пришла в Тенве неспроста. Надо узнать, что она хочет сделать, пока она это не сделала.

Веглао понимающе кивнула и обхватила себя руками.

– Ну ладно, – скованно сказала она. Октай посмотрел ей в глаза, потом приподнял руку в знак прощания и, развернувшись, зашагал по тропе в сторону Тенве. Веглао сорвалась с места, догнала его и хлопнула по плечу. Октай обернулся. Запыхавшись, девушка сказала:

– Прости меня за то, что я наговорила вчера.

Октай хмуро посмотрел на неё, будто не понимая, о чём

это она, потом смущённо изогнул рот:

– Ничего страшного. Ты тоже меня прости.

Веглао протянула ему руку:

– Ты уж поосторожней там.

Октай молча пожал ей руку и вновь повернулся спиной к дому, направляясь в Тенве. Но в этот раз походка его была бодрее, а спина – прямее. Веглао смотрела ему вслед, пока он не скрылся за деревьями, а потом медленно повернулась, дошла до кострища, возле которого они вчера скандалили, и тяжело опустилась на камень. Она до последнего надеялась, что Октай обернётся. Но он ушёл от неё так же стремительно и равнодушно, как это три с лишним года назад сделал Тальнар.

Октаю было уже пятнадцать. Три года назад он был чуть пониже Веглао, теперь был выше её на голову. За эти три года в его тёмных кудрях подбавилось седины, а на теле – шрамов, но всё это не портило его, и теперь было заметно, что вырастет он красивым. Он уже и сейчас был красив, даже длинный тонкий шрам от когтя грифона на лице его совершенно не уродовал. Будь он обычным пареньком, от девочек бы отбою не было. Но на данный момент никаких девушек, кроме Веглао, для него не существовало. Он вовсе не был влюблён в неё, но жить без неё уже не смог бы, так же как и она без него. Просто они так прикипели друг к другу за все эти годы, что даже короткое расставание переносили с трудом. И теперь, уходя не на неделю, а как минимум на месяц, Октай чувствовал себя таким удручённым, таким испуганным и встревоженным, что в самый последний момент чуть было не повернул назад.

За последние годы он узнал цену ненависти. Как ни крути, а ненависть – это настоящий двигатель жизни, и не будь её, он не шёл бы сейчас вниз, в так и оставшийся чужим город, к неведомой опасности.

Тогда, три с половиной года назад, Веглао охрипшим голосом рассказала ему о самой страшной ночи в её жизни, и он, глядя на засохшую кровь на её щеках и веках, мысленно

принёс твёрдую клятву. Он повторял эту клятву, когда среди ночи его будили стоны и всхлипывания Веглао, которой снились кошмары. И сейчас снова поклялся про себя, что тварь, сделавшая это с его названной сестричкой, будет уничтожена.

Он шёл быстро: уже к вечеру второго дня он был на берегу того озера, возле которого они с Веглао останавливались три года назад. Снова, как и тогда, впадающая в озеро река бурлила от рыбы, и Октаю не стоило большого труда соорудить себе ужин. На следующее утро, часов в одиннадцать, он вышел из леса на высокий холм, с которого открывался обширный вид на Тенве. Октай немного постоял здесь, глубоко вдыхая прохладный воздух, пахнувший сырими стенами старых домов, мусором, дымом и людьми. Но теперь к этому привычному запаху примешивалась ещё одна едкая, нервирующая нота – недалеко от города были оборотни. Юноша почувствовал, как все волоски его тела приподнимаются от предчувствия опасности. Хмурясь, он ещё раз окинул взглядом узкие улицы и старые дома, грязные дороги, голые холмы и рыжевато-серый лес – чужое поле, на котором ему предстояло сыграть, быть может, последнюю в своей жизни игру, – и начал спускаться вниз.

Незадолго до этого Тальнар, Аврас и Пёсья голова готовились покинуть стаю Морики. Глубоко в лесу – не в том, что покрывал горы, а в том, что окружал Тенве – в заброшенном посёлке, где расположилась её стая, посланники Кривого Когтя сидели вокруг костра вместе с другими оборотня-

ми. Охотники ушли в лес рано утром, и трое из них уже вернулись, принеся с собой шесть уток и одного старого ослепшего зайца. Одну утку забрала себе Морица, остальное мясо вместе с картошкой, свёклой и морковью, украденными у местных жителей, было разделено между членами стаи.

Куда делись прежние жители посёлка, Тальнар не знал. Может, они покинули это место сами, как за последние годы и десятилетия было покинуто множество деревень, а может, их выгнали или убили оборотни Морики, присвоив себе их дома и продукты. Уточнять Тальнару не хотелось. Посёлок был маленький, места всем не хватало, и парии стаи жили не в домах, а в их подвалах. Тальнару, Аврасу и Пёсьей голове, можно сказать, повезло – они провели эти две ночи в доме, где жили четверо оборотней, и спали на деревянном, а не земляном, полу, прикрытом одеялами.

Сидя на крыльце, Тальнар медленно ел горячее варево из подпорченных овощей, в котором ему попалась – неслыханная удача – ножка утки. Рядом с ним сидел, привалившись к косяку двери, один из соседей – худой старик со спутанной кудрявой бородой – и курил трубку. У него было слишком мало зубов, чтобы жевать, но всё же он посматривал на Тальнара с завистью. Пёсья голова сидел прямо на земле, ел он жадно и неаккуратно, а вот сидевший напротив него суровый оборотень лет тридцати – второй сосед – обгладывал доставшееся ему крылышко медленно и обстоятельно. Женщины, с которой он жил, не было видно – она

ушла в дом кормить ребёнка, который, к гордости родителей, пережил уже два полнолуния. Аврас у главного костра о чём-то беседовал с Мориной. Морика несколько не изменилась с тех пор, как Тальнар видел её в последний раз, она осталась всё такой же угрюмой, заторможенно-жесточой матерью волчицей. Снова юноша спросил себя, что сказала бы Морика, если бы он рассказал ей, что искалеченная её девочка выжила, исцелилась и теперь живёт в паре дней пути отсюда, а на её поясе висит нож. Но вряд ли Морика приняла бы его слова всерьёз; честно говоря, он не был уверен даже в том, что она станет его слушать. За всё время, что он находился здесь, Морика лишь один раз удостоила его коротким взглядом.

Когда обед закончился, посланники собирались недолго. Девочки-оборотни не успели ещё вымыть в реке вёдра, котелки и чашки, когда Аврас за всех троих попрощался с Мориной и повёл свою команду назад в Тенве.

– Всё-таки я не понимаю, зачем вождю этот город, – вслух гадал Тальнар. – Это же просто дыра дырой. Особенно теперь, после того как Морика взорвала станцию. Здесь нет ни фабрик, ни складов, даже на фермах никто не работает. Почему не Палетшетри?

– Ага, так и станет вождь делиться с тобой своими планами, – зашипел от смеха Пёсья голова. Аврас только кинул на Тальнара один из своих загадочных взглядов:

– И хорошо, что не понимаешь, – только и сказал он,

и снова повернулся к дороге. Но Тальнар вскоре заговорил снова:

– Даже если и так, зачем она так долго тянет? Город ведь совсем маленький...

– А стая у неё ещё меньше, – отозвался Аврас. – Ты сам видел, какие из них бойцы. Половина стаи – бабы да девчонки, а среди мужиков четверть старики, ещё четверть – желторотые мальчишки. В майское полнолуние её стая станет раз в десять больше. Конечно, многих горожан просто порешат, но как минимум половина выживет.

Тальнар вспомнил вымотанных бродяг, просящих милостыню на улицах города, лесорубов и охотников, слушающих разбитый патефон в таверне, двух девочек, у которых он попросил карандаш... Жить им осталось чуть больше месяца. Потом половину из них обратят, а вторую половину убьют со всей жестокостью, которой славятся оборотни. И он никак не сможет это предотвратить.

«Да я вообще никогда не мог ничего с этим сделать, – подумал он, с яростью вдавливая ноги в липкую весеннюю грязь. – И ты сама на моём месте ничего бы не сделала. Ты могла бы только смотреть». Ему хотелось верить, что он прав.

В этот раз они зашли в Тенве ненадолго. Встретиться условились через два часа возле городского кладбища. Тальнар отправился в тот же заброшенный район, где несколько дней назад встретил Веглао. Чутьё подсказывало ему, что

в городе находятся ещё оборотни, кроме него – может быть, оно говорит не только об Аврасе и Пёсьей голове. Он дошёл до пустого дома и заглянул в него. Там никого не было. Не было и газет, которые, как он помнил, Веглао читала – видно, она унесла их с собой или выбросила. Выйдя наружу, Тальнар неторопливо направился в сторону кладбища.

Там он ждал около часа, пока не пришли его спутники. Потом они ушли из Тенве, чтобы никогда больше туда не возвращаться.

Первые несколько дней Октай изучал обстановку. В последний раз он был в Тенве около года назад. С тех пор город сильно изменился. Он и раньше был, что называется, дырой, но сейчас стал ещё более унылым, грязным и тоскливым, чем прежде. После взрыва на станции, устроенного непонятно кем, в город перестали приходить поезда, и единственной нитью, связывающей его с остальной страной, было шоссе, находившееся в очень плохом состоянии. Всё же автобусы ещё ходили, и, насколько понял Октай, немало жителей города предпочли уехать. Город наводнили бродяги, а коренные жители стали мрачнее и агрессивнее. Казалось, что над Тенве нависла туча, сеющая не снег или дождь, а страх, недоверие и подозрительность.

В первый же день он своими глазами увидел то, о чём говорила Веглао – заброшенные районы, в которых никто не жил, кроме кошек и крыс. Впрочем, кошки и крысы тоже покинули это место, с тех пор как он поселился в одном из домов. Октай старался вести себя осторожно и никому не попадаться на глаза. В жилые районы он заходил редко, поискать себе работу так и не решился, и большую часть времени проводил в лесу, добывая себе пищу и разыскивая оборотней. Но ни один из его собратьев ему так и не встретился, хотя Октай чуял их присутствие. Повезло ему лишь спустя

несколько дней.

Ночью, спустя шесть дней после своего прихода, Октай отправился в город, чтобы набрать газет и посмотреть на объявления. Но едва он вышел из дома, как понял: совсем рядом находятся оборотни.

Тихонько, крадучись он направился туда, куда вело его чутьё. Вскоре он понял, где находятся оборотни – в большом старинном доме, стоявшем в двух улицах от его нового жилища. Это был старый дом, обветшалый, заколоченный, как и многие в этом районе. Октай ненадолго остановился, раздумывая, как ему лучше поступить – остаться снаружи и подождать, пока оборотни выйдут, или попытаться пробраться внутрь? Они должны так же хорошо чуют его, как и он их, хотя Октай и знал, что, когда оборотней несколько, их чутьё притупляется. Крадучись он обошёл дом и увидел, что окно чердака забито не полностью – среди тёмных досок было отверстие, в которое он вполне мог залезть. Рядом удачно росло старое буквое дерево, высокое, с крепкими разлапистыми ветвями. У Октая был большой опыт в лазании по деревьям – быстро, как белка, он вскарабкался на вершину. Один мощный сук протянулся прямо над заржавленной жестяной крышей дома. Балансируя, Октай прошёл по нему и, оказавшись над крышей, склонился, взялся за ветку обеими руками и мягко соскользнул на кровлю, не издав ни одного шуршания или стука.

Пройдя по коньку немного назад, он лёг на него животом

и спустился ногами вперёд на карниз под чердачным окошком, а потом заглянул в него.

Внутри было так темно, что человек ничего бы не увидел, но Октай не был человеком. Яркого света почти полной Луны, тонкими иголочками проникавшего на чердак сквозь щели в тех местах, где жёсть крыши отвалилась, обнажив дранку, ему хватило, чтобы понять: чердак пуст. Октай осторожно забрался туда. По пути край его куртки зацепился за гвоздь, и ему пришлось повременить, чтобы осторожно снять его: ткань могла порваться с громким хрустом и потревожить тех, кто был в доме.

Оказавшись на чердаке, Октай на миг затаился. Ему показалось, что он слышит голоса. Обратни были совсем близко, доски, на которые он сейчас опирался руками и коленями, были потолком в той комнате, где они стояли. Октай опустился на живот и пополз, каждую секунду страшась того, что следующая доска окажется насквозь гнилой и он провалится вниз.

Через какое-то время он остановился и прижался лицом к доскам, глядя вниз. Доски примыкали друг к другу неплотно, и в щели между ними можно было видеть происходящее. Те же, за кем он наблюдал, его видеть не могли, и единственное, насчёт чего Октай тревожился, было чутьё. Обратней было только двое, и значит, им ничего не стоило ощутить его присутствие, тем более за столь короткий срок до полнолуния. Зная об этом, Октай был готов в любую секунду со-

рваться с места и убежать. Путь к отступлению у него уже был готов.

– Когда он придёт? – спросил один из незнакомцев. Голос его был приглушённым, но Октай понял, что он принадлежит молодому парню чуть постарше его самого.

– Скоро. Жди, – отрывисто ответил ему грубый и хриплый голос, идущий, кажется, их железных лёгких. Но молодому оборотню не сиделось на месте. Он покачивался туда-сюда, вертел головой, нетерпеливо притоптывал ногой.

Вдруг он резко выхватил из-за пояса пистолет и выстрелил в потолок. Октай едва успел отпрянуть. Пуля пробила трухлявые доски в том месте, где только что была его голова, обдав лицо Октая жаром. Юноша еле сдержался, чтобы не вскрикнуть. Выстрел оглушил и ошеломил его, и до его уха не сразу долетели бешеные, ужасные ругательства, которыми взрослый оборотень осыпал молодого.

– Какого хрена ты так расшумелся? – рычал он. – Тебе для того ствол дали, чтоб ты разбудил весь город?

– Там кто-то был, – ответил парень. Голос у него был не такой жуткий, как у его сообщника, но при этом мерзкий. Он говорил, растягивая слова, и звучал этот голос так, как будто оборотень оскорблял кого-то.

– Нет там никого.

– Я чувствовал, что там кто-то был, – упрямествовал пистолетчик.

– Тебе это показалось, грёбаный сукин сын. Дай сюда

ствол!

Почти сразу после этих слов дверь дома приоткрылась с таким противным скрипом, что у Октя заболели все зубы. В дом вошёл человек невысокого роста, закутанный в заплатанную шинель или длинное пальто. В руке он нёс старинный свечной фонарь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.